

ИСТОРИЯ

Г. Л. Соболев

ЛЕНИНГРАД В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ В БЛОКАДЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ
Январь 1943 — январь 1944

Геннадий Соболев

**Ленинград в борьбе за выживание
в блокаде. Книга третья.
Январь 1943 – январь 1944**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2017

ББК 63.3(0)62+63.3(2)622.72

Соболев Г. Л.

Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья. Январь 1943 – январь 1944 / Г. Л. Соболев — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2017

ISBN 978-5-288-05494-5

Настоящая работа завершает трилогию «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде», первые две книги которой были отмечены Национальной премией «Лучшие книги и издательства года – 2015» в номинации «История». Третья книга посвящена событиям 1943 г. после прорыва блокады, наименее изученным. Драматические и трагические события 1941-1942 гг. длительное время по понятным причинам заслоняли многое из того, что стало следствием их развития в 1943 г. Основываясь на опубликованных в последние годы новых документальных источниках и архивных материалах, а также на достижениях новейшей историографии, автор стремится найти объективный ответ на главный вопрос: почему еще почти год после прорыва блокады Ленинград находился практически на положении осажденного города, а его жители несли большие потери от постоянных артиллерийских обстрелов противника, почему войска Ленинградского и Волховского фронтов вплоть до осени 1943 г. так и не смогли срезать Мгинско-Синявинский выступ? Ленинград, население которого составляло в это время 600-650 тыс. человек, своим самоотверженным трудом в экстремальных условиях помогал армии приблизить день полного освобождения города от вражеской блокады.

ББК 63.3(0)62+63.3(2)622.72

ISBN 978-5-288-05494-5

© Соболев Г. Л., 2017

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2017

Содержание

Введение: Ленинград в 1941-1942 гг.	7
1941 год	11
1942 год	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Г. Л. Соболев
Ленинград в борьбе за выживание
в блокаде. Книга третья.
Январь 1943 – январь 1944

© Г. Л. Соболев, 2017

© С.-Петербургский государственный университет, 2017

* * *

*Сестра моя, товарищ, друг и брат, ведь это мы, крещенные
блокадой! Нас вместе называют Ленинград, и шар земной гордится
Ленинградом.*

Ольга Берггольц. Февральский дневник.

Введение: Ленинград в 1941-1942 гг.

Настоящая работа завершает трилогию «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде», первые две книги которой были опубликованы в 2013 и 2015 гг.¹ Третья книга посвящена наименее изученным событиям 1943 г. после прорыва блокады. Вполне понятно, что драматические и трагические события 1941-1942 гг. на долгое время заслонили реальное значение 1943 г. в блокадной историографии².

Основываясь на опубликованных в последние годы новых документальных источниках и архивных материалах, а также на достижениях современных исследователей, автор пытается ответить на один из кардинальных вопросов истории 872-дневной блокады Ленинграда: почему после ее прорыва город еще почти год нес большие потери от систематических артиллерийских обстрелов противника, а его жители погибали и испытывали тяжелейший психологический стресс? Подчеркну, я сторонник принципа преемственности в изучении исторического процесса, в том числе и такого исторического феномена, каким, несомненно, является блокада Ленинграда. Многолетний опыт постижения этого феномена дает основание утверждать, что многие вопросы его изучения поставлены не сегодня³. Потому нельзя согласиться с теми современными авторами, кто отказывает советской историографии обороны и блокады Ленинграда в постановке целого ряда важных вопросов. «Неудивительно, что исследования истории ленинградской блокады были подогнаны под действующую в послевоенные годы советскую идеологию, – пишет, например, Ю. М. Лебедев. – Смысл ее применительно к блокаде состоял в том, что Ленинград был якобы спасен от захвата фашистов благодаря мудрости коммунистического руководства и беззаветной любви жителей к городу, носящему имя Ленина»⁴. Действительно, партийные и советские власти с самого начала стремились поставить изучение истории блокады Ленинграда под своей контроль. Но если бы Ю. М. Лебедев был историком, а не «специалистом информационно-аналитических служб», как он представляет себя в своей книге, ему следовало бы знать, что никакие партийные запреты не могли остановить начавшийся еще в 50-е годы процесс научного изучения ленинградской блокады. Первым серьезным монографическим исследованием этой проблемы стала вышедшая в 1959 г. книга московского историка А. В. Карасева «Ленинградцы в годы блокады»⁵. Автор книги, воевавший на Ленинградском фронте и ставший после войны научным сотрудником Института истории АН СССР, изучил и ввел в научный оборот огромный пласт документов из центральных и ленинградских архивов. Именно эти новые документы позволили А. В. Карасеву правдиво осветить самые разные стороны блокадной жизни ленинградцев, показать последствия голода и холода, унесших в первую блокадную зиму сотни тысяч жизней. По мнению исследователей, книга А. В. Карасева не утратила своего научного значения и сегодня⁶.

Поставив под сомнение способность советской историографии самостоятельно и объективно разобраться в истории ленинградской блокады, Ю. М. Лебедев опубликовал собственное

¹ Соболев Г. Л. 1) Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013; 2) Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. СПб., 2015.

² Чтобы раскрыть связь 1943 г. с предшествующим периодом блокады, автор посчитал необходимым вернуться здесь к наиболее важным событиям, которые рассматриваются в первой и второй книгах трилогии «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде».

³ См.: Соболев Г. Л. 1) Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 72–87; 2) Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 70–96.

⁴ Лебедев Ю. М. Ленинградский «блицкриг». На основе военных дневников высших офицеров вермахта: генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941-1942. М., 2011. С. 452.

⁵ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады 1941-1943. М., 1959.

⁶ Цамутали А. Н. Заметки по историографии блокады Ленинграда // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники, исследования, историография / сост. и науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005. С. 152–156.

«военно-историческое исследование», которое, по его мнению, может подтолкнуть современных историков «к более глубокому изучению ленинградской блокадной эпопеи». Речь идет о комментариях и выводах, к которым автор пришел при изучении оригинала «Военного дневника» начальника генерального штаба сухопутных войск Германии. Главный из них, как я уже писал во второй книге своей блокадной трилогии, состоял в том, что при переводе этого дневника на русский язык переводчик весьма вольно обошелся с текстом и даже ввел в него термин «захват», которого, оказывается, в тексте оригинала не было. «На самом деле начальник генерального штаба сухопутных войск, – полагает Ю. М. Лебедев, – имел в виду не захват Ленинграда, а принуждение его к капитуляции. В этом заключался смысл решения вопроса. Задача состояла в том, чтобы блокировать многомиллионный город, подвергнуть его лишениям и заставить в конечном итоге добровольно сдаться»⁷. Именно Гальдер, по мнению Ю. М. Лебедева, убедил Гитлера отказаться от штурма Ленинграда, и ленинградское направление по воле Гитлера превратилось во «второстепенный театр военных действий»⁸. Вероятно, Ю. М. Лебедев как военный переводчик прав, но я как историк уверен, что не в этих текстологических открытиях нужно искать ключ к пониманию того, что произошло под Ленинградом в критические дни осени 1941 г. И можно только удивляться, что некоторые историки и публицисты готовы пойти за автором «сенсации», соглашаясь с ним в том, что все последующие решения Гитлера, поддавшегося влиянию генерала Гальдера, подтверждали его решение «не брать» Ленинград. Так ли это?

Вернемся еще раз, как мы делали это в предыдущей книге, к приказу группы армий «Север» № 1 от 28 августа 1941 г. Вот что в нем говорилось: «1. Блокировать город Ленинград кольцом как можно ближе к самому городу, чтобы сэкономить наши силы. Требований о капитуляции не выдвигать. 2. Для того, чтобы город как последний центр красного сопротивления на Балтике, был как можно скорее уничтожен без больших жертв с нашей стороны, запрещается штурмовать город силами пехоты. После поражения ПВО и истребительной авиации противника его оборонительные и жизненные способности следует сломить путем разрушения водопроводных станций, складов, источников электропитания и силовых установок. Военные сооружения, способность противника к обороне нужно подавить пожарами и артиллерийским огнем. Каждую попытку населения выйти наружу через войска окружения следует предотвращать, при необходимости – с применением оружия...» К сожалению, так бывает, что исследователь иногда видит в источнике только то, что хочет видеть. Но из текста этого приказа Гитлера нельзя не заметить, что в нем речь шла не о «добровольной капитуляции» Ленинграда, а о его уничтожении в результате обстрелов и бомбардировок. И даже командующий группой армий «Север» фон Лееб, который, по мнению Ю. М. Лебедева, рассчитывал «на добровольную капитуляцию города»⁹, 5 сентября 1941 г. выразил мнение, что «если Ленинград, подгоняемый голодом, будет вынужден сдаться, то его следует лишить тогда по крайней мере возможности повторного сопротивления»¹⁰.

Действительно, Гитлеру и его генералам пришлось не раз менять свои планы и способы овладения Ленинградом, в первую очередь из-за ожесточенного сопротивления защитников города, хотя человеконенавистническая сущность их планов в отношении судьбы населения осажденного города оставалась неизменной. И все же главную роль здесь играл не Гальдер, а Гитлер, придававший захвату Ленинграда первостепенное значение в силу его политической, экономической и стратегической роли в начавшейся войне. Как пишет в связи с этим современный немецкий историк Йоханнес Хюртер, «Ленинград играл особую роль в захватнических

⁷ Лебедев Ю. М. Ленинградский «блицкриг». С. 13.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Там же. С. 234.

¹⁰ Там же. С. 235.

планах Гитлера, порой даже большую, чем Москва, которая оставалась главной целью наступления для Генерального штаба вермахта»¹¹.

Современный исследователь В. А. Мосунов, изучавший наступление немецких войск под Ленинградом в сентябре 1941 г. не по дневникам генерал-фельдмаршала фон Лееба и генерал-полковника Гальдера, а по документам оперативного отдела группы армий «Север», по журналам боевых действий 16-й и 18-й армий, журналам боевых действий и приложениям к ним 26, 28, 50-го армейских корпусов и 41-го моторизованного корпуса, пришел, на мой взгляд, к вполне обоснованному выводу, что «для немецкого командования наступление обернулось фактически военным поражением»¹². В результате анализа всего комплекса немецких документов автор новейшего исследования «Битва за Ленинград. Враг у ворот!» убедительно показывает, что в сентябрьском наступлении «немецкие войска понесли довольно значительные потери, не выполнив при этом всех задач. Сопrotивление Красной Армии оказалось достаточно сильным и, в свою очередь, привело к тому, что противник не смог выйти на ближний рубеж окружения»¹³. Удивленный живучестью мифа, запущенного немецкими генералами еще в конце 40-х годов – о спасении Ленинграда Гитлером, который отдал приказ об отводе танковых частей на московское направление, В. А. Мосунов резонно замечает: «Поэтому все разговоры о том, что Гитлер спас Ленинград, являются элементарной фальсификацией. Удобно валить собственные просчеты на других, когда они уже не в состоянии ответить. Тем более, что творцом идеи переброски всех сил на московское направление был все же Ф. Гальдер»¹⁴.

О злонамеренной роли И. В. Сталина и А. А. Жданова в блокаде Ленинграда существует также немало мифов и легенд, сочиненных в период «гласности». Не располагая документальными доказательствами, журналисты, публицисты, писатели и даже историки смело обвиняли их в умышленной организации голода в блокированном городе и гибели многих сотен тысяч его жителей. По справедливому суждению авторитетного исследователя В. А. Кутузова, «без анализа деятельности такой личности, как Жданов, его взаимоотношений со Сталиным не может быть объективной истории обороны Ленинграда, истории блокады, да и, пожалуй, советской истории»¹⁵. Появившиеся в последние годы исследования и публикации документов позволяют провести такой анализ начиная с фактически не состоявшегося отпуска А. А. Жданова в Сочи буквально накануне войны. Теперь известно, что 10 июня 1941 г. политбюро рассматривало записку начальника лечебного управления Кремля о необходимости предоставить Жданову месячный отпуск в связи с болезненным состоянием и общим крайним переутомлением. Сталин наложил резолюцию: «Дать т. Жданову отпуск в Сочи на 3 месяца», хотя обычно политбюро точно удовлетворяло просьбы медиков¹⁶. 19 июня 1941 г. Жданов встретился со Сталиным и поделился своей тревогой: в немецком консульстве в Ленинграде жгут документы, вскоре «все может начаться». На это Сталин ответил, что немцы упустили наиболее выгодное время для нападения. «Скорее всего, это случится в сорок втором. Поезжайте отдыхать»¹⁷.

Едва приехав в Сочи 21 июня, Жданов был вынужден на следующий день отправиться обратно – началась война с фашистской Германией, о возможности нападения которой на СССР в ближайшее время он высказывался, по свидетельству К. М. Симонова, в присутствии Сталина¹⁸. Существует версия, что по возвращении Жданова из Сочи в Москву Сталин будто

¹¹ Хюртер Й. Вермахт под Ленинградом // Битва за Ленинград. Дискуссионные проблемы. СПб., 2009. С. 125.

¹² Мосунов В. А. Битва за Ленинград. Врагу ворот! М., 2016. С.327.

¹³ Там же. С. 327–328.

¹⁴ Там же. С. 10, 327.

¹⁵ Кутузов В. А. Жданов и Сталин. Заметки к истории взаимоотношений // Война и блокада. Сб. памяти В. М. Ковальчука / отв. ред. А. Н. Чистиков. СПб., 2016. С. 133.

¹⁶ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 247.

¹⁷ Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д., 2004. С. 158.

¹⁸ Симонов К.М. Заметки к биографии Г. К. Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 49.

бы не принял его, приказав ему сразу ехать в Ленинград. На самом деле вечером 24 июня 1941 г., как официально зарегистрировано в дневнике приемов И. В. Сталина, с 20.55 до 21.30 Жданов находился в его кабинете¹⁹. Как видно из недавно опубликованного «Журнала посещения А. А. Жданова 1941-1944 гг.», он вернулся в Ленинград 25 июня и во второй половине дня в Смольном уже принимал видных военных, партийных и советских работников²⁰. Поэтому, представляется, ставшее уже расхожим утверждение о том, что Ленинград в течение первой недели войны оставался без своего партийного руководителя, нуждается в уточнении, равно как и другие суждения о его роли в критический период обороны Ленинграда²¹.

¹⁹ Горькое Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941-1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 225.

²⁰ Журнал посещения А. А. Жданова 1941-1944 гг. / отв. ред. К. А. Голдовский; предисл. Г. Л. Соболева. СПб., 2014. С.21.

²¹ Опубликованные уже после выхода первых двух книг моей трилогии документы об обороне Ленинграда в сентябре 1941 – январе 1943 г., Продовольственной комиссии Военного Совета Ленинградского фронта, личная переписка А. А. Жданова с И. В. Сталиным и другие документы позволяют, как будет показано ниже, сделать существенные уточнения в оценке роли руководства обороной города в 1941-1942 гг.

1941 год

1 июля 1941 г., на другой день после образования Государственного Комитета Оборона, Жданов возглавил Комиссию по вопросам обороны Ленинграда, превратившуюся по характеру своей деятельности в штаб обороны города. 4 июля 1941 г. эта Комиссия, корректируя постановление Военного Совета Северного фронта от 27 июня 1941 г., которым предусматривалось создать в Ленинграде «на добровольных началах Армию численностью в 100 000 человек, преимущественно из рабочих, служащих и студентов»²², посчитала необходимым «в целях усиления г. Ленинграда создать на добровольных началах Армию народного ополчения в 200 тыс. чел.», в которой предполагалось сформировать по производственному принципу 15 дивизий²³.

6 июля 1941 г., спустя две недели после начала войны, «Ленинградская правда» сообщила, не делая из этого никакой тайны, что над Ленинградом нависла прямая угроза фашистского вторжения. Это была суровая правда: через несколько дней войска группы армий «Север» захватили Псков и вышли к Луге. 11 июля 1941 г. в Ленинград прибыл Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, назначенный накануне Государственным Комитетом Оборона главнокомандующим Северо-Западным направлением. 25 июля 1941 г. в целях ускоренного строительства Лужской укрепленной полосы вокруг Ленинграда приказом главнокомандующего Северо-Западным направлением была образована Комиссия по оборонительным работам во главе с секретарем Ленинградского городского комитета ВКП(б) А. А. Кузнецовым²⁴.

Еще раньше, 12 июля 1941 г., Государственный Комитет Оборона принял решение о срочном возобновлении в Ленинграде производства 76-мм полковой пушки, снятой с производства незадолго до начала войны. Наряду с Кировским заводом, который стал головным, к обработке деталей и сборке отдельных узлов для полковых пушек было привлечено почти 60 предприятий различного профиля²⁵. В июле 1941 г. Ленинград дал фронту 133 полковые пушки²⁶. Однако в июле 1941 г. борьба за Ленинград еще только вступала в свою критическую фазу. 30 июля 1941 г. командование группы армий «Север» получило приказ Гитлера «продолжать наступление в направлении Ленинграда, нанося главный удар между озером Ильмень и Нарвой с целью окружить Ленинград и установить связь с финской армией»²⁷. В свою очередь, И. В. Сталин хорошо понимал важность сражения за Ленинград и подтвердил это в разговоре с посетившим Москву в конце июля 1941 г. личным представителем президента США Ф. Рузвельта Г. Гопкинсом, назвав Ленинград в числе тех важнейших стратегических пунктов, которые должны быть удержаны во что бы то ни стало²⁸.

С 18 июля 1941 г. в Ленинграде в соответствии с постановлением СНК СССР «О введении карточной системы на некоторые продовольственные и промышленные товары в городах Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей» была введена карточная система на продажу хлеба, муки, крупы и макарон, сахара и кондитерских изделий, животного и растительного масла, мяса и мясопродуктов,

²² Ленинград в осаде. Сб. документов и материалов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 579.

²³ Там же. С. 31.

²⁴ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг. / отв. ред. В. М. Ковальчук. М.; Л., 1966. С. 47-48.

²⁵ Дзенискевич А. Р. Военная пятилетка рабочих Ленинграда. Л., 1972. С. 63.

²⁶ На защите Невской твердыни / отв. ред. Ю. Н. Яблочкин. Л., 1965. С. 116.

²⁷ «Совершенно секретно! Только для командования!». Сб. документов / пер. с нем. М., 1967. С. 269.

²⁸ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 2. М., 1957. С. 281.

рыбы и рыбопродуктов. Нормы снабжения устанавливались по четырем группам: 1) рабочие и инженерно-технические работники; 2) служащие; 3) дети до 12 лет; 4) иждивенцы. Карточки вводились также на продажу промышленных товаров²⁹. Об этом постановлении СНК СССР Исполком Ленгорсовета, по всей видимости, был информирован заранее, поскольку 17 июля 1941 г. его решением была утверждена структура аппарата по выдаче продовольственных и промтоварных карточек: городское управление по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек при Исполкоме Ленгорсовета; районные отделения по учету и выдаче продовольственных карточек при исполкомах райсоветов депутатов трудящихся; участковые бюро по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек с определенным количеством по районам города. Этим же решением Исполкома Ленгорсовета председатели исполкомов райсоветов депутатов трудящихся обязывались обеспечить раздачу карточек населению на позднее 17 июля 1941 г.³⁰

Между тем в Ленинграде обстановка становилась все напряженнее. «Тревога нарастает, как снежный ком. Каждый новый пункт на карте оказывается все ближе и ближе, появляются люди, уже испытавшие бомбежку, прямо раздавленные страхом, – записала в своем дневнике 16 июля 1941 г. начальник планового отдела 7-й ГЭС И. Д. Зеленская. – Эвакуация идет плохо, город по-прежнему полон детей, стариков, инвалидов, и мало того, много эвакуированных детей возвращается, так как условия для жизни оказались неважными, и родители предпочитают иметь ребят на глазах, пока в Ленинграде тихо»³¹. Хотя эвакуация началась с первых дней войны и продолжалась уже почти три недели, выяснилось, что большинство вывезенных детей было направлено в районы Ленинградской области, откуда их в скором времени пришлось возвращать обратно в город из-за начавшихся систематических налетов авиации противника. Всего до начала блокады города было возвращено 175 тыс. детей³². К тому же при проведении эвакуации Городская комиссия, созданная 27 июня 1941 г., столкнулась с нежеланием многих ленинградцев уезжать из города. По свидетельству ответственного работника Ленгорсовета И. А. Андреевко, «из районов поступали такие сообщения в Ленинградский Совет, что, так сказать, население настроено никуда не уезжать и защищать город Ленинград»³³.

В июле 1941 г. началась эвакуация рабочих (в первую очередь квалифицированных) вместе с наиболее ценным оборудованием предприятий, но за месяц было эвакуировано с заводами немногим более 100 тыс. человек³⁴. Столь необходимые на востоке квалифицированные рабочие кадры для производства военной техники на новом месте пришлось затем вывозить из заблокированного Ленинграда уже самолетами.

31 июля 1941 г. в наступление на Карельском перешейке перешли финские войска. Оборонявшаяся здесь 23-я армия не могла сдерживать превосходящие силы противника и была вынуждена отступить, неся большие потери в живой силе и технике. По этой причине 23-я армия была отведена на рубеж Карельского укрепленного района, проходившего по линии государственной границы 1939 г. К 1 сентября 1941 г. наступление финнов на этом направлении было остановлено. Но на Свирско-Петрозаводском направлении финские войска, имея тройное превосходство в силах, в результате тяжелых боев против нашей 7-й армии в августе 1941 г. вышли к р. Свирь³⁵.

²⁹ См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. С. 705–707.

³⁰ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 227–228; Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 44–67.

³¹ «Я не сдамся до последнего...». Записки из блокадного Ленинграда / отв. ред. В. М. Ковальчук. СПб., 2010. С. 12.

³² Ковальчук В. М. 900 дней блокады: Ленинград 1941–1944. СПб., 2005. С. 26.

³³ Адамович Алев, Грашин Даниил. Блокадная книга. Л., 1984. С. 138–139.

³⁴ Ковальчук В. М. 900 дней блокады: Ленинград 1941–1944. С. 27.

³⁵ Там же. С. 32.

Главная опасность, однако, исходила от немецких войск, начавших 10 августа 1941 г. наступление на Лужском и Новгородско-Чудовском направлениях. Стойкая оборона советских войск не позволила противнику прорваться к Ленинграду через Лугу, а войскам Северо-Западного фронта даже удалось нанести немцам чувствительный удар под Старой Руссой. Но 16-я армия противника, получив поддержку из танковой группы генерала Гота и перегруппировав свои силы, сумела довольно быстро оправиться от нанесенного ей контрудара и продолжила наступление на Новгород.

После того, как 15 августа 1941 г. немецкие войска в результате ожесточенных боев вошли в западную часть Новгорода, Ставка Верховного Главнокомандования в своей Директиве, подписанной 17 августа 1941 г. И. В. Сталиным и Б. М. Шапошниковым, предупредила Военный Совет Северо-Западного направления, что «если немцы будут иметь успех в этом направлении, то это будет означать обход Ленинграда с востока, перерыв связи между Ленинградом и Москвой и критическое положение Северного и Северо-Западного фронтов». Хотя в Директиве содержались весьма недвусмысленные предупреждения о том, что «Ставка не может мириться с настроениями невозможности предпринять решительные шаги, с разговорами о том, что уже все сделано и ничего сделать больше невозможно», ее приказ «собрать в кулак часть действующих и подошедших дивизий и вышибить противника из Новгорода»³⁶ не был выполнен. 19 августа 1941 г. немцы окончательно овладели Новгородом, нацелившись на Ленинград.

После захвата немцами Чудова и выхода их танковых соединений к Октябрьской железной дороге создалась реальная угроза наступления на Ленинград с восточного направления. Чтобы мобилизовать ленинградцев на защиту своего города, его руководители перед лицом нависшей опасности решаются на чрезвычайные меры: 20 августа 1941 г. бюро Ленинградского городского комитета партии и Исполком Ленинградского городского Совета принимают решение «Об организации обороны города Ленинграда». Для подготовки населения к уличной борьбе был образован Военный Совет обороны Ленинграда во главе с командующим Ленинградской армией народного ополчения генерал-майором А. И. Субботиным. В него также вошли А. А. Кузнецов, Л. М. Антюфеев, Я. Ф. Капустин и П. С. Попков. В этот же день решение об образовании Военного Совета обороны Ленинграда было подтверждено приказом главнокомандующего Северо-Западным направлением К. Е. Ворошилова. В соответствии с этим приказом намечалось организовать по территориально-производственному принципу 150 рабочих батальонов, в которых командиров и комиссаров разрешалось избирать всем личным составом. Из-за острой нехватки огнестрельного оружия рабочие батальоны предлагалось вооружить и холодным оружием: саблями, кинжалами, пиками³⁷. 21 августа было опубликовано обращение К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова и П. С. Попкова «Ко всем трудящимся города Ленина», призывавшее ленинградцев встать «как один на защиту своего города».

Выражая озабоченность судьбой Ленинграда и свое негодование по поводу «самодеятельности» ленинградского руководства, создавшего без санкции Ставки Верховного Главнокомандования Военный Совет обороны Ленинграда, И. В. Сталин в состоявшемся в ночь на 22 августа 1941 г. разговоре по прямому проводу с К. Е. Ворошиловым и А. А. Ждановым говорил: «...Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия, ввиду чего и действуете, как на изолированном острове, ни с кем не считаясь... Ленинград не Череповец или Вологда, это вторая столица нашей страны. Военный Совет обороны Ленин-

³⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 204.

³⁷ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг. С. 54-55.

града не вспомогательный орган, а руководящий орган обороны Ленинграда...»³⁸ Отсутствие в составе этого органа Ворошилова и Жданова, возможно, давало подозрительному «хозяину» основание думать, что тем самым они хотят уйти от ответственности за сложившееся положение, и поэтому он приказал изменить состав Военного Совета обороны Ленинграда, введя в него руководителей Военного Совета Северо-Западного направления, в первую очередь Ворошилова и Жданова. Разумеется, это было немедленно выполнено, хотя как организационные меры, так и «мудрые указания» Верховного Главнокомандующего не могли стабилизировать обстановку под Ленинградом. Более того, с развитием наступления немецких и финских войск на Карельском перешейке и на Петрозаводск выявилась реальная угроза полного окружения Ленинграда. В связи с необходимостью перегруппировки сил и улучшения оперативного управления войсками Военный Совет Северного фронта возбудил перед Ставкой ходатайство о разделении Северного фронта на два: Карельский и Ленинградский. 23 августа 1941 г. Ставка удовлетворила это ходатайство. Учитывая угрожающее положение на Любаньском и Красногвардейском направлениях, Ставка разрешила Военному Совету Ленинградского фронта использовать для обороны города четырехдневный выпуск танков ленинградских заводов, а также выделила дополнительно авиационные части и маршевые батальоны. Но и эти меры не смогли остановить продвижение девяти дивизий противника, наступавших из района Чудова и захвативших 25 августа Любань³⁹.

Тогда Сталин направил в Ленинград облеченную чрезвычайными полномочиями комиссию. В специальном мандате, подписанном 26 августа 1941 г. Сталиным и врученном этой комиссии, говорилось: «Заместитель Председателя Государственного Комитета Обороны т. Молотов В. М., член Государственного Комитета Обороны т. Маленков Г. М., Народный Комиссар Военно-Морского Флота т. Кузнецов Н. Г., заместитель председателя Совнаркома т. Косыгин А. Н., Командующий ВВС Красной Армии т. Жигарев П. Ф. уполномочиваются Государственным Комитетом Обороны для рассмотрения и решения, совместно с Военным Советом Главного Командования Северо-Западного направления и с Военным Советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда»⁴⁰.

Прибывшая в почти осажденный Ленинград Комиссия могла на месте убедиться в серьезности ситуации, увидеть целый ряд существенных промахов и упущений руководства обороной города. Она признала необходимым упразднить изжившее себя командование и штаб Северо-Западного направления, Военный Совет обороны Ленинграда, и подтвердила целесообразность разделения Северного фронта на Ленинградский и Карельский, потребовала перевести город на осадное положение. Комиссия высказала резкое недовольство медленными темпами эвакуации населения и беспечностью руководства в отношении продовольственных ресурсов города.

Проблема эвакуации мирного населения Ленинграда в августе 1941 г. встала действительно остро, и Городская эвакуационная комиссия, наверстывая упущенное время, сумела только за период с 15 по 27 августа вывезти из города свыше 200 тыс. человек. Всего же за период с 29 июня по 27 августа 1941 г. из Ленинграда было эвакуировано 636 203 человека, из них 488 703 ленинградца (в том числе 220 тыс. детей) и 147 500 человек из прибалтийских республик и Карело-Финской ССР⁴¹. Тем не менее в Ленинграде все еще оставалась значитель-

³⁸ *Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941-1942 г. // *Новейшая история России.* 2014. № 1. С. 278–279.

³⁹ *Ковальчук В. М.* 900 дней блокады: Ленинград 1941-1944. С. 37.

⁴⁰ *Известия ЦК КПСС.* 1990. № 9. С. 209.

⁴¹ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг. С.

ная часть несамодеятельного населения, на что сразу обратила внимание Комиссия ГКО. Вместе с тем из опубликованных теперь «донесений» из Ленинграда членов Комиссии ГКО Сталину можно сделать вывод, что высокая комиссия, выражая свое неудовлетворение низкими темпами эвакуации населения города и его промышленности, не смогла правильно оценить критическое положение, создавшееся уже в дни ее пребывания в Ленинграде (27-29 августа). Иначе как объяснить оптимистический тон донесения членов Комиссии Сталину 28 августа 1941 г.: «Сообщаем, что нами приняты решения эвакуировать за декаду с 30 августа по 8 сентября из Ленинграда 250 000 человек женщин и детей, и 66 тыс. человек из прифронтовой полосы, исходя из среднесуточной подачи 170 вагонов»⁴². А ведь буквально накануне, добираясь в Ленинград через Череповец, члены ГКО, оказавшись на станции Мга, по свидетельству генерала Н. Н. Воронова, своими глазами увидели, что Ленинград вот-вот останется без железнодорожной связи с Москвой и со страной⁴³. Такое же впечатление производит и донесение членов Комиссии ГКО Сталину о продовольственном положении Ленинграда, отправленное 29 августа 1941 г. Сообщая о незначительных запасах основных продовольственных товаров в Ленинграде на 27 августа (муки и зерна на 17 дней, крупы на 29 дней, рыбы на 16 дней, мяса на 25 дней, масла животного на 29 дней), Комиссия предлагала создать в Ленинграде к 1 октября полуторамесячные запасы продовольствия. В целях экономии продовольствия Комиссия наметала довольно скромные меры – прекратить коммерческую торговлю продуктами питания и отрегулировать нормы выдачи населению чая, спичек и яиц⁴⁴.

Между тем выявленные на момент приезда в Ленинград Комиссии ГКО незначительные запасы продовольствия требовали принятия жестких мер в расходовании основных продуктов питания – хлеба, крупы, мяса, масла, запасы которых по сравнению с имевшимися на начало войны сократились в 2-3 раза. Справедливости ради следует признать, что сложившееся к этому времени трудное продовольственное положение Ленинграда объяснялось не только тем, что с началом войны руководству города следовало сразу пойти на более экономное расходование основных продуктов питания, но еще и тем, что в мирное время продовольственные ресурсы города были весьма ограничены. Несмотря на то, что Ленинград обладал высокоразвитой пищевой промышленностью, обеспечивавшей не только город, но и потребности ряда других краев и областей, запасов, которых могло бы хватить на продолжительное время, на складах не имелось. На 21 июня 1941 г. на ленинградских складах хранилось муки и зерна, в том числе и предназначенных на экспорт, на 52 дня, крупы – на 89 дней, мяса – на 38 дней, масла животного – на 47 дней, масла растительного – на 29 дней⁴⁵. С началом войны расходование основных продуктов питания в Ленинграде не только не уменьшилось, но даже увеличилось. В городе скопилось большое количество беженцев и проходила концентрация войск, вследствие чего среднесуточная выпечка хлеба в июле – 2112 т – выросла в августе до 2305 т⁴⁶. Введение с 18 июля 1941 г. карточной системы также не привело к заметному уменьшению расходования продовольственных запасов города. Очевидно, и в это время руководители Ленинграда еще не до конца осознавали, какая катастрофическая опасность таится в необеспеченности города продовольствием на длительный срок. Только этим можно объяснить столь непродуманную меру, как разрешение коммерческой торговли продуктами питания (было открыто 70 коммерческих магазинов) в условиях уже введенной карточной системы⁴⁷. Даже 27 августа 1941 г.

106.

⁴² Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 212.

⁴³ Оборона Ленинграда. 1941-1944. Воспоминания и дневники участников / отв. ред. А. М. Самсонов. Л., 1968. С. 202-203.

⁴⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 212.

⁴⁵ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941-1943. С. 127.

⁴⁶ Там же. С. 128.

⁴⁷ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг.

Военный Совет обороны Ленинграда на своем заседании поручал председателю Исполкома Ленгорсовета П. С. Попкову в качестве чрезвычайной меры «подработать для рассмотрения на Военном Совете и последующего внесения на Государственный Комитет Обороны вопроса о необходимом сокращении норм отпуска продуктов по карточкам, сокращении норм продажи в одни руки таких товаров, как спички, яйца, чай, а также о сокращении коммерческой торговли в городе»⁴⁸.

Не были использованы и все возможности для пополнения продовольственных запасов Ленинграда. Об одной из таких неиспользованных возможностей рассказал А. И. Микоян, который в годы войны был председателем Комитета продовольственного и вещевого снабжения советской армии и Комитета по эвакуации из прифронтовой полосы запасов продовольствия. «В самом начале войны, когда немецко-фашистские войска развертывали наступление, – вспоминал он, – многие эшелоны с продовольствием, направляемые по утвержденному еще до войны мобилизационному плану на запад, не могли прибыть к месту назначения, поскольку одни адресаты оказались на захваченной врагом территории, а другие находились под угрозой оккупации. Я дал указание переправлять эти составы в Ленинград, учитывая, что там имелись большие складские емкости. Полагая, что ленинградцы будут только рады такому решению, я вопрос этот с ними предварительно не согласовывал. Не знал об этом и И. В. Сталин до тех пор, пока ему из Ленинграда не позвонил А. А. Жданов. Он заявил, что все ленинградские склады забиты, и просил не направлять к ним сверх плана продовольствие. Рассказав мне об этом в телефонном разговоре, Сталин сказал, зачем я адресую так много продовольствия в Ленинград. Я объяснил, чем это вызвано, добавив, что в условиях военного времени запасы продовольствия, и прежде всего муки, в Ленинграде никогда не будут лишними, тем более, что город всегда снабжался привозным хлебом (в основном из районов Поволжья), а транспортные возможности его доставки могли быть и затруднены. Что же касается складов, то в таком большом городе, как Ленинград, выход можно было найти. Тогда никто из нас не предполагал, что Ленинград окажется в блокаде. Поэтому Сталин дал мне указание не засылать ленинградцам продовольствие сверх положенного без их согласия»⁴⁹. Теперь, в конце августа, Комиссия ГКО, сообщая Сталину о крайне незначительных ресурсах продовольствия Ленинграда и предлагая создать их полуторамесячный запас, просила возложить ответственность «за их срочную отгрузку и продвижение» в Ленинград на Микояна и Кагановича⁵⁰.

Направленные Сталину 29 августа 1941 г. предложения Комиссии ГКО пришли вместе с сообщением о падении очередного важного пункта на Ленинградском направлении – на этот раз Тосно. Сталин сразу же ответил телеграммой «Секретарю горкома Кузнецову для Молотова, Маленкова»: «Только что сообщили, что Тосно взято противником. Гели так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Что делают Попов и Ворошилов? Они даже не сообщают о мерах, какие они думают предпринять против такой опасности. Они заняты поиском новых рубежей отступления, в этом видят свою задачу. Откуда у них такая бездна пассивности и чисто деревенской покорности судьбе? Что за люди – ничего не пойму. В Ленинграде имеется теперь много танков КВ, много авиации, эресы. Почему эти важнейшие технические средства не действуют на участке Любань – Тосно? Что может сделать против немецких танков какой-то пехотный полк, выставленный командованием против немцев без этих технических средств? Почему богатая ленинградская техника не используется на этом решающем участке? Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке? Что за чело-

С. 285–286.

⁴⁸ Ленинград в осаде. Сб. документов и материалов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1944. С. 51.

⁴⁹ Военно-исторический журнал. 1977. № 2. С. 45–46.

⁵⁰ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 212.

век Попов? Чем, собственно, занят Ворошилов и в чем выражается его помощь Ленинграду? Я пишу об этом, так как очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования. Я думаю, что 29-го ты должен выехать в Москву. Прошу не задерживаться»⁵¹. Вряд ли можно отрицать, что все содержание телеграммы проникнуто тревогой за судьбу Ленинграда, хотя нельзя не заметить, что Верховный Главнокомандующий на всякий случай хочет найти того, кто «нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке».

Обращает на себя внимание также тот факт, что эта телеграмма была направлена Сталиным Молотову и Маленкову в обход Жданова. Очевидно, члены Комиссии ГКО своими «донесениями» из Ленинграда способствовали усилению недовольства Сталина одним из своих любимцев. Молотов, встречавшийся со Ждановым в конце августа 1941 г., позднее рассказывал: Жданов – «хороший товарищ, очень хороший товарищ, но тогда был очень растерян. Все плохо идет, немцы окружали их, окружали окончательно и окончательно заперли»⁵². Как видно из «Журнала посещений А. А. Жданова», круг принимаемых им в Смольном лиц в то критическое время ограничивался по преимуществу партийными и советскими работниками⁵³.

1 сентября 1941 г. Военный Совет Северо-Западного направления получил очередную директиву Ставки Верховного Главнокомандования за подписью И. Сталина и Б. Шапошникова. Она была как никогда лаконичной, называла тактику отступления Ленинградского фронта «пагубной», грозила карой «героям отступления» и требовала, чтобы «Ленинградский фронт набрался духу честно и стойко отстаивать дело обороны Ленинграда»⁵⁴. Угрожающее положение города стало очевидным и для жителей города, не имевших до этого реального представления о нависшей опасности. «Ленинград стал фронтом. В газетах, по радио призывы к его защите: „Защитим каждую улицу, всякую площадь, сделаем каждый дом крепостью“, – записал в своем дневнике 2 сентября 1941 г. Г. А. Князев. – Вероятно, мы вступаем в состояние осажденного города. Смотрим прямо и спокойно на надвигающиеся испытания. По-видимому, город решено защищать, а не сдавать»⁵⁵. Интуиция не подвела историка: 3 сентября 1941 г. Военный Совет Ленинградского фронта постановил «для обеспечения обороны Ленинграда» форсировать строительство оборонительной полосы внутренней зоны с передним краем – Финский залив, Поселок № 3, станция Предпортовая по Окружной железной дороге, село Рыбацкое, Уткина заводь, Сосновка, коммуна Кудрово, Заневка, станция Ржевка, Ручьи, Удельная, Коломяги, Новая Деревня, Старая Деревня, Финский залив⁵⁶. Показательно, что на состоявшихся на следующий день переговорах по прямому проводу со Сталиным и Шапошниковым руководители обороны Ленинграда Ворошилов и Жданов не решились сообщить Верховному Главнокомандующему об этом постановлении Военного Совета, как и о том, что 2 сентября станция Мга была окончательно взята противником, утверждая вместо этого, что «станция Мга полностью еще не очищена»⁵⁷. С потерей Мги была утрачена последняя железная дорога, связывавшая Ленинград со страной.

После того, как 8 сентября 1941 г. немцы в результате недельных ожесточенных боев захватили Шлиссельбург и таким образом отрезали Ленинград с суши, германское командование решило нанести завершающий удар с юга на красногвардейском направлении. Восемь немецких дивизий, начавшие 9 сентября на этом направлении новое наступление, смяли обо-

⁵¹ Там же. С. 213.

⁵² Чув Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 55.

⁵³ Журнал посещений А. А. Жданова. 1941-1944 гг. С. 33–36.

⁵⁴ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. М.; СПб., 2005. С. 22.

⁵⁵ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления о моем малом радиусе. Дневники 1941-1945. СПб., 2009. С. 153–154.

⁵⁶ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. С. 51–53.

⁵⁷ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 29–31.

рону советских войск и взяли через несколько дней Дудергоф, Красное Село и Красногвардейск. Последней надеждой уже блокированного Ленинграда остался Пулковский оборонительный рубеж, на котором и стояли его защитники насмерть. Командование Ленинградского фронта и на этот раз не рискнуло сразу же сообщить в Ставку об утрате Шлиссельбурга. 9 сентября на имя Ворошилова и Жданова пришла шифрованная телеграмма за подписью Сталина, Молотова, Маленкова и Берии: «Нас возмущает ваше поведение, выражающееся в том, что вы сообщаете нам только о потере нами той или иной местности, но обычно ни слова не сообщаете о том, какие же приняты меры для того, чтобы перестать, наконец, терять города и станции. Так же безобразно вы сообщили о потере Шлиссельбурга. Будет ли конец потерям? Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград?»⁵⁸ В телеграмме также содержались обвинения в адрес руководства обороной Ленинграда в неумении распорядиться выделенными Ставкой силами. Как бы отвечая на выдвинутые Москвой обвинения, Военный Совет Ленинградского фронта на следующий день выделил в распоряжение горкома партии 500 карабинов для вооружения партийного, советского и хозяйственного актива, заявляя тем самым о решимости защищать город до конца⁵⁹.

11 сентября 1941 г. Военный Совет Ленинградского фронта представил в Ставку за подписями Ворошилова и Жданова доклад, в котором был вынужден признать безуспешность своих попыток переломить события и перейти к активным действиям. В докладе отмечалось, что создать достаточно мощную группировку сил для перехода в контрнаступление оказалось невозможно в силу того, что формируемые в Ленинграде и полученные с тыла части бросали прямо в бой в районы прорывов⁶⁰. Вечером того же дня Ставка освободила Ворошилова от обязанностей главнокомандующего Ленинградским фронтом, назначив вместо него генерала армии Г. К. Жукова⁶¹.

Прибывший в Ленинград 12 сентября 1941 г. Г. К. Жуков вместе с новым начальником штаба фронта генералом М. С. Хозиным получил от Верховного Главнокомандующего Директиву «не допустить врага в Ленинград, чего бы это вам ни стоило». Вместе с тем Г. К. Жуков впоследствии рассказывал К. М. Симонову, что в разговоре, состоявшемся накануне его назначения, Сталин «положение, сложившееся под Ленинградом, оценивал как катастрофическое. Помню, он даже употребил слово „безнадежное“»⁶². Положение Ленинграда к этому времени было уже и впрямь критическим. Не случайно на следующий день после прибытия Г. К. Жукова, 13 сентября 1941 г., в Ленинград со специальным заданием прилетел заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов, имевший мандат ГКО № 670 на проведение подготовительных мероприятий на случай сдачи Ленинграда. В выданном В. Н. Меркулову специальном мандате говорилось, что он «является Уполномоченным Государственного Комитета Обороны по специальным делам. Тов. Меркулову поручается совместно с членом Военного Совета Ленинградского фронта т. Кузнецовым тщательно проверить дело подготовки взрыва и уничтожения предприятий, важных сооружений и мостов в Ленинграде на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района»⁶³.

Помимо этого специального задания Меркулов имел еще более ответственное поручение – личное письмо Сталина для второго секретаря Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецова, смелые и решительные действия которого одобрялись Председателем ГКО. Хотя это

⁵⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 217.

⁵⁹ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. С. 54.

⁶⁰ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 195–197.

⁶¹ Там же. С. 34–35.

⁶² Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 30.

⁶³ План «Д». План специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам гор. Ленинграда / сост. С. К. Бернев, А. Н. Ломагин. СПб., 2005. С. 19.

письмо не сохранилось, с его содержанием были знакомы некоторые партийные руководители как в Москве, так и в Ленинграде⁶⁴. Пытавшийся проанализировать его различные версии, профессор В. А. Кутузов приходил к выводу, что речь в нем шла об усталости, издерганности Жданова, которому надо было дать отдохнуть, выспаться⁶⁵. К сожалению, отсутствие подлинника этого письма дает повод для нелепых домыслов о якобы оттеснении Жданова, вплоть до его изоляции, от руководства обороной города⁶⁶, что не следует из дальнейшего развития событий и его участия в них.

По разработанному и утвержденному 15 сентября 1941 г. В. Н. Меркуловым и А. А. Кузнецовым плану «Д» выводу из строя подлежали 380 предприятий, из которых более 250 были отнесены к числу важнейших. Всего по этому плану было намечено к выводу из строя 58 510 объектов, из них свыше 4900 должны были быть взорваны, а остальные уничтожены механическим путем⁶⁷. В случае необходимости привести в исполнение план «Д» главная проблема заключалась в остром дефиците взрывчатки. В сентябре 1941 г. для минирования 140 крупнейших промышленных объектов удалось выделить из резерва Инженерного управления Ленинградского фронта всего 40 т взрывчатки⁶⁸. Одновременно был подготовлен план мероприятий по Балтийскому флоту на случай его вынужденного ухода из Ленинграда. Все корабли военного флота, торговые, промысловые и технические суда подлежали уничтожению путем взрыва и затопления в целях недопущения их использования противником и воспрепятствования возможности плавания германских судов в районе Кронштадт – Ленинград⁶⁹. Показательно, что наши союзники по антигитлеровской коалиции не только принимали во внимание вероятность этой акции, но и предлагали свое участие в возмещении ущерба в случае ее осуществления. 12 сентября 1941 г. посол Великобритании в Москве Р. Криппс передал наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову памятную записку, в которой говорилось: «В случае, если Советское правительство будет вынуждено уничтожить свои военно-морские суда в Ленинграде, чтобы предотвратить переход этих судов в руки неприятеля, Правительство Его Величества признает требование Советского Правительства после войны об участии Правительства Его Величества в замене уничтоженных таким образом судов». В своем послании премьер-министру Великобритании У. Черчиллю 13 сентября 1941 г. Сталин ответил на это предложение весьма определенно: «Советское правительство понимает и ценит готовность Английского правительства возместить частично ущерб, который будет нанесен Советскому Союзу в случае уничтожения кораблей в Ленинграде. Не может быть сомнения, что в случае необходимости советские корабли в Ленинграде действительно будут уничтожены советскими людьми. Но за этот ущерб несет ответственность не Англия, а Германия. Я думаю поэтому, что ущерб должен быть возмещен после войны за счет Германии»⁷⁰.

Тем временем обстановка под Ленинградом становилась все более угрожающей. 16 сентября 1941 г. немецкие войска прорвались к Финскому заливу между Стрельной и Урицком, что привело к образованию Приморского (Ораниенбаумского) плацдарма, а части нашей 8-й армии оказались отрезанными от основных сил Ленинградского фронта.

⁶⁴ *Калашиков В. В.* «Герцеговина Флор» для Алексея Кузнецова // Санкт-Петербургские ведомости. 1997. 8 мая.

⁶⁵ *Кутузов В. А.* А. А. Жданов или А. А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история. 2012. № 1. С. 193.

⁶⁶ См.: *Кутузов В. А.* Жданов и Сталин. Заметки к истории взаимоотношений. С. 138–139.

⁶⁷ План «Д». План специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам гор. Ленинграда. С. 20.

⁶⁸ *Бычевский Б. В.* Город-фронт. Л., 1967. С. 106–107; Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников / отв. ред. А. М. Самсонов. С. 150.

⁶⁹ Органы Государственной Безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2, кн. 2. М., 2000.

⁷⁰ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 22–23.

Новый главнокомандующий Ленинградским фронтом Г. К. Жуков находил в создавшейся обстановке решения, которые помогли в кратчайшие сроки восстановить нарушенное управление войсками, изыскать резервы и сосредоточить имевшиеся силы на наиболее опасных направлениях, укрепить дисциплину в войсках, используя для этого самые жесткие методы. Именно в это критическое время появился приказ 0064 от 17 сентября 1941 г., подписанный главнокомандующим войсками Ленинградского фронта, Героем Советского Союза генералом армии Жуковым, членом Военного Совета секретарем ЦК ВКП(б) Ждановым, членом Военного Совета дивизионным комиссаром Кузнецовым и начальником штаба Ленинградского фронта генерал-лейтенантом Хозиним: «Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово, Кискино, Верх. Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, Военный Совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного Совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу...»⁷¹ Что и говорить, приказ более чем суровый! Но, осуждая его сегодня, нельзя забывать, что он был принят в условиях смертельной опасности для Ленинграда.

Обращаясь к анализу сентябрьских боев за Ленинград, современные исследователи опираются на широкий круг источников, ранее недоступных, в том числе исходящих от немецкой стороны, ставят целый ряд новых вопросов, которые ранее не могли обсуждаться. В частности, обсуждается вопрос о роли Г. К. Жукова как командующего Ленинградским фронтом. В. А. Мосунов, автор книги «Битва за Ленинград», считает, что «новый командующий продемонстрировал всему личному составу фронта свой разящий направо и налево железный кулак, но радикальных и эффективных контрмер по остановке противника предложить не смог»⁷². Написавший предисловие к этой работе А. В. Исаев, книга которого «Жуков. Мифы и правда о Маршале Победы» выдержала уже восемь изданий, с этой оценкой не согласился, но признал, что «высказанные аргументы заслуживают рассмотрения. Научная дискуссия необходима, и без нее немыслимо движение вперед»⁷³. Но в этой дискуссии необходимо учитывать все факторы, которые влияли на принятие решений командования Ленинградского фронта и самого командующего Г. К. Жукова, в первую очередь директивы и указания Ставки Верховного Главнокомандования. 20 сентября 1941 г. Ставка потребовала от командования, казалось, невозможного: в ближайшие два дня «пробить брешь во фронте противника» на Синявинском направлении и, таким образом, деблокировать Ленинград. Увы, силами наступавшей с востока 54-й армии под командованием Г. И. Кулика и Невской оперативной группы изнутри блокадного кольца это осуществить не удалось. Слабость артиллерийской поддержки, распыление и без того ограниченных сил и средств обрекло на неудачу почти все атаки пехоты, которую нередко посылали на штурм опорных пунктов противника, располагавших еще сильными огневыми средствами. Все это вело к неоправданно большим потерям личного состава. Так, численность 4-й бригады морской пехоты за 11 дней первой Синявинской операции по деблокаде Ленинграда уменьшилась с 6 до 1,5 тыс. человек⁷⁴. Тем не менее 26 сентября 1941 г. в разговоре по прямому проводу с начальником Генерального Штаба Б. М. Шапошниковым Г. К. Жуков докладывал: «Шлиссельбург нами окружен со стороны Ладожского озера и со стороны Марьино. Думаю к исходу дня и не позже как завтра Шлиссельбург взять»⁷⁵. В боевом

⁷¹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С.201.

⁷² Мосунов В. А. Битва за Ленинград. Враг у ворот! С. 289.

⁷³ Там же. С. 8.

⁷⁴ Крюковских А. П. К истории попыток прорыва блокады Ленинграда в 1941-1942 гг. // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники, исследования, историография / сост. и науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005. С. 83.

⁷⁵ Болдовский К. А., Соболев Г. Я., Ходяков М. В. «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941-1942 гг. С. 281.

донесении Верховному Главнокомандующему 30 сентября 1941 г. Г. К. Жуков был вынужден признать, что с обещанием взять Шлиссельбург он поторопился и все попытки овладеть им потерпели неудачу, и потому из Москвы поступил приказ «лобовые атаки на Шлиссельбург прекратить»⁷⁶. Таким образом, первая попытка прорыва блокады Ленинграда успеха не имела и контуры блокадного кольца вокруг Ленинграда окончательно определились.

В свою очередь, и командующий группой армий «Север» фельдмаршал фон Лееб в ответ на требование «продолжить наступление в Кронштадтском районе» сообщил еще 24 сентября 1941 г. главному командованию сухопутных войск о том, что «в действительности же группа армий „Север“ вынуждена уже полностью перейти к обороне»⁷⁷. В то же время, как свидетельствовал начальник Инженерного управления Ленинградского фронта Б. В. Бычевский, «на всем южном участке фронта немцы усиленно строят блиндажи, роют траншеи и даже устанавливают колючую проволоку и минные поля»⁷⁸. Это было результатом героического сопротивления защитников Ленинграда, измотавших и обескровивших силы противника в многодневных изнурительных боях на дальних и ближних подступах к городу. Да, это горькая правда: немецко-фашистские войска удалось остановить ценой огромных потерь: безвозвратные людские потери Северного, Северо-Западного и Ленинградского фронтов в Ленинградской стратегической оборонительной операции, продолжавшейся с 10 июля по 30 сентября 1941 г., составили 214 078 человек⁷⁹. Среди них – десятки тысяч ленинградских ополченцев, плохо вооруженных, но сильных духом, ценою своей жизни помешавших фашистам войти в Ленинград. Из 1500 ополченцев Ленинградского университета около половины погибли под стенами родного города в июле – августе – сентябре 1941 г.⁸⁰ «Все нам, кто участвовал в сентябрьских боях за Ленинград, пришлось пережить немало тяжелых дней, – писал впоследствии Г. К. Жуков. – Однако нашим войскам удалось сорвать замыслы врага. Благодаря стойкости и массовому героизму солдат, матросов, сержантов и старшин, выдержке и твердости командиров и политработников враг встретил на своем пути непреодолимую оборону»⁸¹. Этот драматический период в истории обороны Ленинграда, на мой взгляд, требует дальнейшего изучения и осмысления.

С потерей Шлиссельбурга Ленинград оказался полностью блокирован с суши, и для населения осажденного города, в котором осталось более 2 млн 500 тыс. человек, в том числе не менее 1 млн 200 тыс. человек несамодеятельного населения, из них 400 тыс. детей⁸², началась длительная каждодневная борьба за жизнь, полная опасностей, тревог, переживаний и лишений.

С этого времени жилые дома стали для ленинградцев боевыми объектами, редкий дом не имел бойниц и пулеметных гнезд, редкий дом не был превращен в долговременную огневую точку. Как писала в те дни Ольга Берггольц, «дома наши стали крепостями, и не в переносном, а в самом буквальном и довольно страшном смысле»⁸³. Расклеенные на стенах домов, щитах и заборах воззвания и плакаты призывали: «Защитим город Ленина!», «Все ли ты сделал для помощи фронту?», «Русский народ никогда не будет стоять на коленях!» Но особенно

⁷⁶ Крюковских А. П. К истории попыток прорыва блокады Ленинграда в 1941–1942 гг. С. 82–83.

⁷⁷ Лебедев Ю. М. Ленинградский «блицкриг». С. 279–280.

⁷⁸ Бычевский Б. В. Город-фронт. С. 124.

⁷⁹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 167–168.

⁸⁰ Книга Памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. 1941–1945 / ред. кол. Л. А. Вербицкая, В. Ф. Барбанов, Г. Л. Соболев, В. Н. Троян, И. Я. Фроянов. Вып. 1. СПб., 1995; Вып. 2. СПб., 2000; Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Вестн. С-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2010. Вып. 2. С. 14–23.

⁸¹ Военно-исторический журнал. 1968. № 8. С. 53.

⁸² Павлов Д. В. Ленинград в блокаде (1941 год). М., 1961. С. 57; Ломагин Н. А. Неизвестная блокада: в 2 кн. М.; СПб., 2002. Кн. 2. С. 34.

⁸³ Берггольц Ольга. Дневные звезды. Говорит Ленинград. М., 1990. С. 256.

запечатлелись в памяти ленинградцев самые первые плакаты, появившиеся на стенах домов 16 сентября 1941 г., – «Враг у ворот!», «Ленинград в опасности!» Контрольно-пропускные пункты и заставы на главных магистралях города и мостах через Неву постоянно напоминали населению о фронтовом положении. Введенный с первых же дней войны светомаскировочный режим, погрузивший город в ночную тьму, усиливал впечатление нависшей опасности, как и тусклый, слабо мерцающий свет электролампочек, и поныне навевающий блокадные ассоциации. Маскировка «блистательных» объектов – шпиля Петропавловской крепости, башни Адмиралтейства, куполов Исаакиевского, Никольского и Смольного соборов, опорных элементов панорамы города, – еще сильнее изменила его облик, приглушив внешнюю парадность. Защищенные досками или вовсе исчезнувшие с пьедесталов всемирно известные памятники как бы предупреждали город о грядущих испытаниях.

Первые вражеские снаряды разорвались в Ленинграде 4 сентября 1941 г. на территории заводов «Большевик», «Красный нефтяник», «Салолин», на станции Витебск-Сортировочная. В сентябре тяжелая артиллерия немцев вела огонь по Ленинграду из районов Стрельны, Красного Села, Урицка, Пушкина. Немецко-фашистские варвары стремились уничтожить запасы продовольствия и топлива, электростанции, водопровод и тем самым парализовать жизнь в городе. Они не скрывали даже, что целью этих обстрелов было также «разрушение жилых зданий и истребление жителей Ленинграда»⁸⁴. На немецких картах были отмечены такие «военные» объекты, как музеи, дворцы, школы, больницы. Так, Эрмитаж был обозначен как объект № 9, Дворец пионеров – № 192, Институт охраны материнства и младенчества – № 708 и т. д.⁸⁵ Артиллерийские обстрелы, особенно в часы начала или окончания работы, вызывали большие жертвы среди населения. Снаряды разрывались в переполненных трамваях, в очередях, в общественных местах, на улицах. Осенью 1941 г. в результате артиллерийских обстрелов в городе был убит 681 человек и 2268 ранены⁸⁶. Ленинградцы жили в постоянном нервном напряжении, обстрелы следовали один за другим. Только с 4 сентября по 30 ноября 1941 г. город обстреливался 272 раза общей продолжительностью 430 часов⁸⁷. Иногда население находилось в бомбоубежищах сутками. Огневая мощь артиллерии противника, пытавшегося обстрелами сломить сопротивление защитников осажденного города, была значительной. Артиллерийская группировка немцев в районе Урицка, где линия фронта ближе всего подходила к Ленинграду, в начале блокады состояла из 4 артиллерийских полков, вооруженных 105- и 150-мм орудиями. Позднее сюда были переброшены тяжелые орудия (203- и 210-мм калибра), дальность стрельбы из которых достигала 30-32 км⁸⁸.

Действия немецкой артиллерии, обстреливавшей Ленинград, не оставались безнаказанными. Артиллерия Ленинградского фронта и Балтийского флота повела успешную контрбатарейную борьбу с противником, которая в период Великой Отечественной войны нигде не проходила в такой острой форме, как в битве под Ленинградом⁸⁹. Осенью и зимой 1941-1942 г. советская артиллерия вела эту борьбу в чрезвычайно трудных условиях: не хватало боеприпасов, средств артиллерийской инструментальной разведки, отсутствовала корректировочная авиация, дальность стрельбы наших орудий в первое время уступала немецким. Поэтому вплоть до весны 1942 г. противодействие артиллерии противника носило оборонительный и

⁸⁴ Жданов Н. Н. Огневой щит Ленинграда. М., 1965. С. 56.

⁸⁵ Акт Ленинградской Городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда. Л., 1945. С. 7, 23.

⁸⁶ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады 1941-1943. С. 145-146.

⁸⁷ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг. С. 143.

⁸⁸ Жданов Н. Н. Огневой щит Ленинграда. С. 62.

⁸⁹ Там же. С. 57.

вследствие этого недостаточно эффективный характер, хотя ответные удары советской артиллерии и ослабляли боевую мощь врага.

Почти одновременно с артиллерийскими обстрелами начались бомбардировки Ленинграда вражеской авиацией. Острый недостаток в истребительной авиации, а также невысокие скоростные качества самолетов, осуществлявших противовоздушную оборону Ленинграда, позволили немецкой авиации получить осенью 1941 г. временное превосходство в воздухе. 6 сентября немецкие самолеты, прорвавшись к Ленинграду, подвергли массированной бомбардировке промышленные предприятия и жилые кварталы. 8 сентября на город было сброшено 6327 зажигательных и 48 фугасных бомб, в результате чего в различных районах вспыхнуло 183 пожара⁹⁰. Самый большой пожар в этот день возник на продовольственных складах им А. Е. Бадаева. Ленинградцы, еще не привыкшие к воздушным налетам, были потрясены этим пожаром. Огромная туча дыма заволокла всю южную часть города и не рассеивалась в течение многих часов. В результате пожара в 27 сгоревших складах (из 135 строений на территории складов) огнем было уничтожено около 5 млн кг сахара, 360 тыс. кг отрубей, 18,5 тыс. кг ржи, 45,5 тыс. кг гороха, более 286 тыс. кг растительного масла, 10,5 тыс. кг животного масла, около 3 тыс. кг макарон, 2 тыс. кг муки⁹¹. Хотя эти потери не могли нанести существенный урон продовольственным запасам города, впоследствии среди голодавшего населения возникла легенда, согласно которой на Бадаевских складах погибло огромное количество продовольствия, что и стало причиной невиданного голода зимой 1941-1942 г.

С 8 сентября 1941 г. воздушные налеты повторялись каждую ночь. Население еще не скоро привыкло к тревожному вою сирены, предупреждавшему об очередной опасности с воздуха. В борьбе с последствиями налетов и обстрелов участвовали, помимо пожарных команд, объектовые и участковые команды МПВО, аварийно-восстановительные подразделения, дружины Красного Креста, сотни тысяч ленинградцев, в основном женщины. Обстрелы и бомбежки наносили огромный урон городскому хозяйству, нарушали работу предприятий, вызывали большие жертвы среди населения. Эти жертвы были бы несравненно большими, если бы не исключительное мужество и мастерство советских артиллеристов и летчиков, оборонявших город Ленина. Осажденный Ленинград встречал немецкую авиацию мощным огнем зенитных орудий и пулеметов. Сотни аэростатов, поднятых над городом, сковывали маневр и боевые действия немецких летчиков, которые не рисковали низко летать над городом, чтобы не запутаться в тросах аэростатов. В сентябре 1941 г. совместными действиями нашей зенитной артиллерии и авиации были отражены налеты 2712 вражеских самолетов, из которых только 480 прорвались к Ленинграду, при этом 272 были сбиты⁹².

В условиях осажденного Ленинграда во всей остроте встал целый ряд чрезвычайно сложных проблем, от решения которых зависела судьба обороны города: обеспечение фронта вооружением, боеприпасами и обмундированием, организация работы промышленности, снабжение топливом, электроэнергией, сырьем и др.

Особенно трудным оказалось продовольственное обеспечение войск и населения города. Как отмечалось выше, к началу войны Ленинград не располагал значительными запасами продовольствия. До начала блокады в город успели доставить свыше 60 тыс. т зерна, муки и крупы из Ярославской и Калининской областей, около 24 тыс. т зерна и муки из портов Латвии и Эстонии⁹³. Осада Ленинграда не позволила завезти в город в достаточном количестве карто-

⁹⁰ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг. С. 139.

⁹¹ Иванов В. А. Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (На материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 268.

⁹² Барбашиш И. П., Кузнецов А. И., Морозов В. П., Харитонов А. Д., Яковлев Б. Н. Битва за Ленинград. 1941-1944. М., 1964. С. 188–189.

⁹³ Ленинград в осаде. Сб. документов и материалов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной

фель и овощи, всегда игравшие важную роль в питании населения. В 1941 г. в Ленинград успели завезти только 6960 т картофеля и 30 376 т овощей, в то время как в 1940 г. было доставлено 245 032 т картофеля и 154 682 т овощей. На 15 сентября 1941 г. в пригородных районах Ленинграда было убрано всего 1300 т картофеля и овощей, а в Ленинград было вывезено только около 500 т⁹⁴. Значительная часть выкопанного картофеля была оставлена без охраны на полях и систематически разворовывалась. Постановлением Военного Совета Ленинградского фронта от 23 сентября 1941 г. весь заготовленный картофель и капусту предлагалось использовать на нужды общественного питания, а излишки продавать населению по разовым талонам продовольственных карточек. Чтобы вывезти с полей выкопанный картофель и овощи, Военный Совет временно мобилизовал 100 автомашин из воинских частей и организаций⁹⁵.

Принятое 30 августа 1941 г. Государственным Комитетом Обороны постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», по которому Наркомат путей сообщения обязывался ежедневно, начиная с 31 августа, направлять на станции Волховстрой-2 и Лодейное Поле 8 маршрутов с продовольствием для Ленинграда, не могло быть реализовано в полной мере в условиях уже фактической блокады города. По этой причине Совнарком СССР принял 1 сентября 1941 г. постановление о снижении хлебных норм для населения, а в целях экономии ограниченных запасов муки предложил использовать для выпечки хлеба различные примеси (овес, соевый жмых, ячменный солод и др.)⁹⁶. Со 2 сентября рабочие и инженерно-технические работники стали получать 600 г, служащие – 400 г, иждивенцы и дети – 300 г хлеба⁹⁷.

В сентябре Государственный Комитет Обороны направил в Ленинград наркома торговли РСФСР Д. В. Павлова своим уполномоченным по вопросам продовольственного снабжения. Проведенный 10 и 11 сентября вторичный учет продуктов питания показал, что для обеспечения войск и населения в Ленинграде имелись запасы зерна, муки и сухарей на 35 суток, крупы и макарон – на 30 суток, мяса и мясопродуктов – на 33 суток, жиров – на 45 суток, сахара и кондитерских изделий – на 60 суток⁹⁸. Положение становилось все более напряженным, и 11 сентября пришлось вторично снизить нормы выдачи продовольствия: хлеба – до 500 г для рабочих и инженерно-технических работников, до 300 г. – для служащих и детей, до 250 г – для иждивенцев⁹⁹, были снижены также нормы выдачи крупы и мяса.

Однако централизованного контроля над распределением продуктов питания, который позднее осуществляла специально созданная Продовольственная комиссия, еще не было. Запасы продовольствия после пожара на Бадаевских складах были рассредоточены по всему городу. Была ликвидирована коммерческая торговля в магазинах, ресторанах и столовых, прекращено производство пива. Для выпечки хлеба стали использовать все сырьевые ресурсы, которые можно было смешивать с мукой. С 6 сентября хлеб выпекался с примесями ячменной и овсяной муки, затем – с примесями отрубей, соевой муки и жмыхов, что резко снизило питательные качества хлеба¹⁰⁰.

Главная же трудность состояла в том, что доставить грузы в Ленинград с началом его блокады можно было только водным и воздушным путем. Но берега Ладожского озера в то время не имели крупных портовых сооружений и причалов. Руководство работами по оборудованию порта Осиновец на западном берегу Ладоги было возложено на адмирала И. С. Исакова, на

войны. 1941-1944. С.211.

⁹⁴ Там же. С. 189.

⁹⁵ Там же. С. 190–191.

⁹⁶ На защите Невской твердыни / отв. ред. Ю. Н. Яблочкин. С. 145.

⁹⁷ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов. Т. 1. Л., 1944. С. 119.

⁹⁸ Павлов Д. В. Ленинград в блокаде (1941 год). С. 61.

⁹⁹ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 119.

¹⁰⁰ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. С.213.

восточном берегу – на генерала А. М. Шилова. Водные перевозки начались 12 сентября по маршруту Гостинополье – Новая Ладога – Осинец. В этот день в Осинец на двух баржах было доставлено 626 т зерна и 116 т муки¹⁰¹. По железной дороге грузы доставлялись через Вологду – Череповец – Тихвин до Волхова, где переваливались на водную пристань Гостинополье. Моряки Ладожской военной флотилии и водники Северо-Западного речного пароходства, осуществлявшие эти перевозки, понимали, какая возложена на них огромная ответственность, и делали все возможное и невозможное. Транспортировка грузов осложнялась недостатком судов, постоянными налетами вражеской авиации, частыми штормами на Ладоге, выводившими из строя баржи и буксирные пароходы. Только с 14 по 18 сентября 1941 г. в Осиневце разбилось 12 барж. В результате за первый месяц навигации в Осинец было доставлено всего 9800 т продовольствия¹⁰².

В сложной обстановке осени 1941 г. главной задачей трудящихся осажденного города стало снабжение фронта вооружением, боеприпасами, снаряжением и обмундированием. Несмотря на эвакуацию ряда предприятий, а всего до октября 1941 г. было частично или полностью эвакуировано 86 крупных заводов и фабрик, мощность ленинградской промышленности оставалась значительной. По решению Военного Совета Ленинградского фронта и горкома партии в блокированном городе в качестве действующих было оставлено 175 промышленных предприятий, а остальные были законсервированы¹⁰³. Особенно острую потребность Ленинградский фронт испытывал в боеприпасах. 11 сентября 1941 г. Военный Совет Ленинградского фронта принял специальное постановление «Об увеличении производства артиллерийских снарядов и мин в ленинградской промышленности», которым она обязывалась выпустить в сентябре 1941 г. для фронта 550 тыс. минометных и 566 тыс. артиллерийских выстрелов¹⁰⁴. Это была труднейшая задача для привлеченных к ее выполнению заводов, цехов, участков и мастерских, ранее не специализировавшихся на выпуске военной продукции. К тому же блокада нарушила традиционные производственные связи промышленности города с заводами и фабриками других районов страны. Это привело к усилению внутригородского кооперирования и переводу предприятий на выпуск строго ограниченной номенклатуры продукции. Например, в совместном производстве полковых пушек участвовали 60 заводов, в изготовлении реактивных установок – 40 предприятий. Детали автоматов производились на 7 заводах, пулеметов и минометов – на 15. Изготовлением боеприпасов были заняты свыше 100 предприятий¹⁰⁵. Координацией работы фабрик и заводов занимался отдел оборонной промышленности горкома партии, который возглавлял М. В. Басов. В сентябре 1941 г. предприятия блокированного Ленинграда выпустили более тысячи 76-мм пушек, 2500 минометов, сотни противотанковых орудий и пулеметов¹⁰⁶.

Выпуск продукции для фронта затруднялся постоянными артиллерийскими обстрелами и бомбардировками, от которых только в сентябре 1941 г. пострадали 26 оборонных предприятий. В наиболее опасном положении оказались предприятия, расположенные в южной части города, всего в нескольких километрах от передней линии фронта. На заводе «Электросила» был сформирован, вооружен и переведен на казарменное положение рабочий полк, бойцы которого работали на производстве, а по окончании работ занимались военным делом. В середине сентября 1941 г. завод оказался в расположении второго эшелона войск Ленинград-

¹⁰¹ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая Земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941-1943 гг. Л., 1975. С. 72.

¹⁰² Нейгольдберг В. Я. Речной транспорт СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1965. С. 59.

¹⁰³ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады 1941-1943. С. 94.

¹⁰⁴ Демидов В. И. Снаряды для фронта. Л., 1985. С. 89.

¹⁰⁵ Манаков Н. А. Экономика Ленинграда в годы блокады // Вопросы истории. 1967. № 5. С. 22; Дзенискевич А. Р. Военная пятилетка рабочих Ленинграда. 1941–1945. С. 64.

¹⁰⁶ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады 1941-1943. С. 158.

ского фронта. На территории «Электросилы» строились дзоты, оборудовались огневые позиции артиллерии, стрелковые окопы и амбразуры. Все бойцы МПВО, инженерно-технические работники и квалифицированные рабочие были переведены на казарменное положение. Вражеская артиллерия и авиация обрушивали на завод удар за ударом. В таких же условиях работали и другие крупные предприятия осажденного города. Во время артиллерийских обстрелов и бомбежек работы прекращались, и рабочие рассредоточивались по укрытиям. На рабочих местах оставались лишь те, кто обслуживал котельные, литейные цеха, электростанции. В течение осени 1941 г. 28 фабрик и заводов были перебазированы из наиболее угрожаемых районов в относительно спокойные северные районы города. Некоторые цеха Кировского завода разместились в производственных помещениях других предприятий.

Важную роль в решении проблемы обеспечения фронта боеприпасами сыграли ленинградские ученые. Для оказания помощи оборонным предприятиям в организации выпуска боеприпасов на производство пришли почти 50 сотрудников Химико-Технологического института им. Ленсовета. Разработку и изготовление различных пиротехнических боеприпасов и подрывных средств по заданию городского комитета партии возглавил Государственный институт прикладной химии, который в период блокады был единственным действующим в Ленинграде химическим институтом. Коллектив института, занимавшийся в мирное время проблемами получения минеральных солей, на вторую неделю войны сумел наладить выпуск боеприпасов для фронта. На основе имевшегося в Ленинграде сырья сотрудники Института прикладной химии создали более 50 рецептур зажигательных веществ для снаряжения противотанковых бутылок, снарядов, бомб, ракет, специальных зажигательных патронов и т. д.¹⁰⁷ С целью изучения трофейных боеприпасов спецлаборатория проделала сотни анализов боеприпасов и взрывчатых веществ. В 1941/1942 г. опытный завод Института прикладной химии выпускал 29 видов оборонной продукции, 20 из которых были освоены в институте впервые¹⁰⁸. Много новых образцов боеприпасов создали лаборатории и производственные мастерские высших учебных заведений, в которых вместе с учеными трудились ассистенты, лаборанты, аспиранты, студенты, рабочие и служащие. В Университете действовала постоянная комиссия, занимавшаяся вопросами производства боеприпасов, исследованием трофейных материалов. В организованной для этих целей мастерской работало около 100 научных сотрудников, аспирантов и студентов¹⁰⁹.

Совместными усилиями военных специалистов, рабочих, инженеров, техников и ученых сентябрьское задание Военного Совета Ленинградского фронта по выпуску боеприпасов было в целом выполнено. С начала войны до 1 октября 1941 г. ленинградская промышленность выпустила более 1 млн 347 тыс. артиллерийских снарядов и мин, 335 тяжелых танков КВ, 38 морских и 1579 сухопутных артиллерийских орудий, 6334 миномета и 476 бронемашин¹¹⁰. Это стало существенным вкладом ленинградцев в дело обороны своего города.

Октябрь 1941 г. начался для ленинградцев с нерадостного известия о новом, теперь уже третьем по счету, снижении хлебного пайка. С 1 октября рабочие и инженерно-технические работники стали получать на день 400 г, остальное население – 200 г хлеба. Эта вынужденная мера была прямым следствием того, что постановление ГКО от 30 августа 1941 г. «О транспортировке грузов для Ленинграда», которым предусматривалось создать в городе к началу октября 1941 г. полуторамесячный запас продовольствия водным путем через Ладожское озеро, с самого начала был нереальным. Слишком многие факторы оказались неучтенными, слишком велики были трудности и препятствия, вставшие перед моряками Ладожской

¹⁰⁷ Соболев Г. Я. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М.; Л., 1966. С. 45.

¹⁰⁸ Артамонов Б. П. Двадцать пять лет работы Государственного института прикладной химии // Сб. статей к двадцатипятилетию Государственного института прикладной химии (1919-1944). Л., 1945. С. 15–18.

¹⁰⁹ Соболев Г. Я. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 46.

¹¹⁰ Дзешискевич А. Р. Военная пятилетка рабочих Ленинграда. С. 65.

военной флотилии и Северо-Западного речного пароходства, на которых были возложены эти перевозки. Отсутствие на западном берегу Ладоги обустроенных причалов и пристаней, острый недостаток озерных судов, эксплуатация малопригодных в условиях сильных штормов речных пароходов и барж, постоянные налеты вражеской авиации – все это объясняет, почему за первый месяц водных перевозок (середина сентября – середина октября 1941 г.) с восточного берега в Осин овец было доставлено всего около 10 тыс. т продовольствия¹¹¹. Положение не улучшилось и в октябре, в первую очередь потому, что противник стремился во что бы то ни стало нарушить водные перевозки в осажденный город. Его самолеты буквально охотились за буксирами и баржами, непрерывно бомбили портовые сооружения и перевалочные базы. Только на Осинец в октябре было совершено 58 воздушных налетов. Наша авиация, выделенная для защиты водных перевозок, произвела 1836 самолето-вылетов и сбила 39 вражеских самолетов. Зенитные части Осинецкого и Свирского районов ПВО уничтожили за период осенней навигации свыше 100 самолетов противника¹¹². И все же значение водных перевозок для осажденного Ленинграда было огромным: за два месяца осенней навигации на западный берег Ладоги было доставлено около 60 тыс. т различных грузов, в том числе 45 тыс. т продовольствия, почти 7 тыс. горюче-смазочных материалов, боеприпасы, вооружение и другие военные грузы. Кроме того, корабли Ладожской военной флотилии переправили на восточный берег озера свыше 20 тыс. военнослужащих, 129 орудий, 115 автомашин, танкеток и тракторов¹¹³. По личному распоряжению Сталина в октябре были вывезены из Ленинграда станки и оборудование заводов, занятых производством танков и противотанковой артиллерии, в первую очередь Кировского и Ижорского заводов, а также их квалифицированные рабочие и инженерно-технические кадры. Из состоявшегося 4 октября 1941 г. разговора по прямому проводу Сталина со Ждановым и Кузнецовым видно, что председатель ГКО, озабоченный скорейшей эвакуацией важнейших ленинградских оборонных заводов, даже не поинтересовался положением дел в блокированном уже месяц Ленинграде, а его руководители не осмелились обратиться к нему ни с одной просьбой¹¹⁴.

Между тем продовольственное положение осажденного Ленинграда становилось все более угрожающим. На начало октября 1941 г. город располагал немногим более 20 тыс. т муки, 1 тыс. т ржи, 3,5 тыс. т овса, 0,5 тыс. т ячменя, около 10 тыс. т различных примесей (соя, отруби, жмых и солод). Исходя из этих запасов, Военный Совет Ленинградского фронта установил с 1 октября 1941 г. новый лимит расходования муки на день – 1 тыс. т, или вдвое меньше, чем в сентябре. Из них 247 т предназначались для фронта, 65 т – для флота, 587 т – для населения Ленинграда, 51 т – для населения Ленинградской области. В этом постановлении обращает на себя внимание непропорционально высокая доля мяса и жиров, выделенная «для закрытых учреждений и общественного питания» – 49 т и 19,6 т в день, в то время как всему населению Ленинграда и пригородов полагалось соответственно 72 т и 15,5 т¹¹⁵.

В октябре 1941 г. дневная выпечка хлеба по сравнению с сентябрем 1941 г. сократилась почти в 1,5 раза и составляла 1092 т в день. Значительный припек хлеба достигался в это время за счет использования самых различных примесей – жмыха, соевой муки, ячменной мучки, кукурузы, обойной и рисовой пыли и др. Запасы муки продолжали уменьшаться. В справке, составленной 17 октября 1941 г. для А. А. Жданова, секретарь городского комитета партии

¹¹¹ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая Земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941-1943 гг. С. 75.

¹¹² Комаров Н. Я. Противовоздушная оборона Ладожской коммуникации // История СССР. 1973. № 3. С. 91.

¹¹³ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая Земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941-1943 гг. С. 72–81.

¹¹⁴ Запись переговоров по прямому проводу А. А. Жданова и А. А. Кузнецова с И. В. Сталиным 4 октября 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 208.

¹¹⁵ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 661, 667.

П. Г. Лазутин и заведующий городским отделом торговли И. А. Андреев сообщали, что остаток муки, включая и заменители, составлял 17 105 т, что с предполагаемым поступлением в ближайшее время еще 2500 т муки могло обеспечить при ежедневном расходе 920 т муки в сутки потребности населения блокированного города, войск Ленинградского фронта и Балтийского флота на 21 день, т. е. до 6 ноября 1941 г. включительно. Крупы и макарон имелось на 17 дней, мяса и мясопродуктов – на 15 дней, жиров – на 37 дней, сахара и кондитерских изделий – на 42 дня¹¹⁶. Эти продукты, полагающиеся ленинградцам в минимальных размерах, в октябре 1941 г. еще можно было выкупить по продовольственным карточкам, хотя уже и начались перебои с их поступлением в магазины. Не надеясь на власти, ленинградцы сами искали пути и средства пополнения своих продовольственных запасов. Рискуя своей жизнью, они пробирались под обстрелом противника на поля, чтобы найти невыкопанный картофель и овощи. «Вчера снова видел, как сонмы людей из города с лопатами перерывали землю, разыскивая картофель, – записал в своем дневнике 9 октября 1941 г. красноармеец С. Ф. Путьатов. – Видно, плохо им. Хуже, чем нам»¹¹⁷. В одном из донесений, поступивших 22 октября 1941 г. в штаб Ленинградского фронта, отмечалось, что «в расположении противника большая группа людей в гражданской одежде копала картофель. По группе был открыт огонь»¹¹⁸.

Постепенно наступал голод, и его приближение отражалось в настроении и поведении населения, прежде всего тогда, когда это касалось добывания пищи. Главный инженер завода «Судомех» В. Ф. Чекризов передает в своем дневнике наблюдения этого времени: «14 октября 1941 г. В связи с заказом завод переведен на тыловой паек. Настроение приподнялось. Нужно видеть, как реагирует наша публика. Старается есть побольше и, что не сможет съесть, забрать с собой. Черт его знает, какая едовая горячка появилась. Только и думают о еде. За столами, где питается администрация, берут по 2-3 вторых, едят, берут с собой. Впечатление такое, что никогда на ели. Как мелочны эти старые интеллигенты. Вся культурность у них отлетает, остается только одно животное чувство жратвы. Как бы не прозевать и набить желудок побольше. Достают талон на ужин, завтрак, по несколько талонов. Все едят и едят. Говорят, что столовая отпускает 22 тыс. блюд в сутки. Это при 2 тысячах работающих»¹¹⁹.

К октябрю 1941 г. угрожающее положение сложилось и с топливом. Накануне войны Ленинград расходовал в сутки 1700 вагонов топлива, главным образом привозного. С установлением блокады город лишился не только дальнепривозного топлива, но и большей части местного топлива, так как крупнейшие торфопредприятия и лесоразработки Ленинградской области остались на территории, занятой противником. Между тем особого уменьшения потребности в топливе не произошло, так как прибавились фронтовые расходы. Имевшихся на 1 сентября 1941 г. в Ленинграде нефтепродуктов могло хватить на 18-20 дней, каменного угля – на 75-80 дней. В октябре 1941 г. городские организации располагали всего полумесячным запасом топлива. По решению Исполкома Ленгорсовета отопительный сезон предполагалось начать с 25 октября 1941 г., но уже тогда было ясно, что для систематического отопления города даже при самой строгой экономии топлива его не хватит до наступления зимы. Основными районами заготовки торфа и дров стали Всеволожский и Парголовский районы, куда в октябре 1941 г. были посланы 2 тыс. ленинградских комсомольцев, главным образом девушек. Голодные и неопытные, без теплой спецодежды и обуви, они заготавливали и отправляли

¹¹⁶ Ленинград в осаде. Сб. документов и материалов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1944. С. 192, 193, 194.

¹¹⁷ Архив Большого Дома. Блокадные дневники и документы / сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. СПб., 2004. С. 362.

¹¹⁸ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 222.

¹¹⁹ Чекризов В. Ф. Дневник блокадного времени // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 8. СПб., 2004. С. 28.

в Ленинград по 200 вагонов торфа и дров в сутки¹²⁰, но это не могло спасти промышленность и городское хозяйство от топливного голода.

Резко снизилась и выработка электроэнергии, которая стала теперь поступать только с городских электростанций, так как Волховская, Свирская и Дубровская ГЭС, дававшие раньше городу основную часть электроэнергии, оказались за кольцом блокады. В октябре 1941 г. Ленинград получал электроэнергии в 3 раза меньше, чем в июне 1941 г., в связи с чем были приняты самые жесткие меры по ее экономии. В октябре 1941 г. электроэнергия поступала с переведенной на торф 5-й ГЭС, находившейся вблизи от переднего края, под постоянным огнем вражеской артиллерии и авиации. С этого времени электроэнергию разрешалось использовать только важнейшим оборонным предприятиям и учреждениям по списку, утвержденному Военным Советом Ленинградского фронта¹²¹.

Гели с недостатком продуктов питания, нехваткой топлива и электроэнергии ленинградцы начинали постепенно свыкаться и смиряться, то привыкнуть к обстрелам и бомбежкам было невозможно. В октябре 1941 г. они стали еще ожесточеннее. Реализуя варварскую директиву Гитлера стереть Ленинград с лица земли, артиллерия и авиация противника обрушивали на город смертоносный удар за ударом. Днем город обстреливался артиллерией, снаряды разрывались на улицах и в очередях. Затем начинала налеты вражеская авиация, которая с октября 1941 г. изменила свою тактику и стала бомбить город только в ночное время на высоте 5-7 км, что превышало потолок аэростатов заграждения и досягаемость луча прожектора. В октябре 1941 г. на Ленинград было сброшено 42 987 зажигательных бомб, или две трети общего количества сброшенных на город за все время войны. В этом месяце жертвами обстрелов и бомбежек стали 4 тыс. ленинградцев, из которых почти 1 тыс. была убита¹²². В городе полыхали многочисленные пожары, ликвидацией которых занимались вместе с пожарными командами части местной противовоздушной обороны, подразделения аварийно-восстановительных полков, Комсомольский противопожарный полк и др.

Принимая во внимание, что «с каждым днем все больше и больше будут чувствоваться затруднения с продовольствием»¹²³, Ставка решила предпринять новую попытку по деблокаде Ленинграда. Ее замысел заключался в том, чтобы встречными ударами 54-й, 55-й армий и Невской оперативной группы ликвидировать шлиссельбургско-синявинскую группировку немецких войск и восстановить сухопутную связь Ленинграда со страной. Директива на проведение этой операции была принята Ставкой 14 октября 1941 г., а начало ее осуществления было намечено уже на 20 октября. Прилетевший с этой директивой представитель Ставки генерал-полковник Н. Н. Воронов впоследствии признавал, что отведенного на подготовку операции времени было слишком мало, что не могло не отразиться на ее исходе¹²⁴. К тому же соотношение сил и средств на синявинском направлении оставляло мало шансов на успех операции. Ставка требовала сосредоточить в районе прорыва до 100 тяжелых танков КВ, в то время как Ленинградский фронт (вместе с 54-й армией) имел всего 97, в том числе и устаревших типов, а в самой 54-й армии из 52 исправных танков было только 20 КВ и Т-34¹²⁵. Характеризуя действия пехоты Ленинградского фронта, Н. Н. Воронов в донесении в Ставку от 17 октября 1941 г. отмечал: «Пехота ленится и не любит подготавливать себе плацдарм для наступления... Не умеет действовать с танками. Главнейшей болезнью пехоты является систематическое опазды-

¹²⁰ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг. С. 292.

¹²¹ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады 1941-1943. С. 139.

¹²² Ленинград в осаде. Сб. документов и материалов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1944. С. 372-374.

¹²³ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 51.

¹²⁴ Оборона Ленинграда. 1941-1944. Воспоминания и дневники участников / отв. ред. А. М. Самсонов. С. 217-218.

¹²⁵ Ленинград в борьбе месяц за месяцем. 1941-1944/науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1994. С. 54.

вание наступления и перехода в атаку». Танковые части, по мнению представителя Ставки, также не умели взаимодействовать с пехотой и недостаточно владели прицельной стрельбой. Только действия артиллерии и авиации, по оценке Н. Н. Воронова, отвечали требованиям современного боя¹²⁶.

В то время как подготовка Синявинской операции только началась, немецко-фашистское командование предприняло наступление на тихвинском направлении. Оно имело целью нанести поражение советским войскам на р. Волхов и затем через Тихвин выйти к Свири, чтобы соединиться с Карельской армией финнов, лишив тем самым Ленинград и оборонявшие его войска последней возможности получать помощь по Ладожскому озеру. В первой половине октября группа армий «Север» была усилена 250-й испанской («голубой») дивизией, 212-й и 227-й пехотными дивизиями из Франции, 7-й авиаполевой дивизией из Греции и 2-й пехотной бригадой СС из Германии¹²⁷. Из-за низкой эффективности нашей войсковой разведки командование 4-й и 52-й армии пропустило сосредоточение в районе Любани и Чудова 39-го механизированного корпуса 16-й армии и 1-го армейского корпуса 18-й армии противника, которые нанесли 16 октября главный удар в стык 4-й и 52-й армий в направлении Грузино – Будогощь – Тихвин. Имея полуторное превосходство в живой силе и более чем двукратное в танках и артиллерии, немецкие войска прорвали 20 октября оборону 4-й и 52-й армий и устремились к Тихвину. Осуществленный противником мощный прорыв на тихвинском направлении поставил под сомнение успех начавшейся 20 октября Синявинской операции наших войск. Вместо того, чтобы усиливать войска Ленинградского фронта, Ставка была вынуждена для ликвидации возникшей угрозы выделить из его состава четыре дивизии, три – из своего резерва и одну из резерва Северо-Западного фронта¹²⁸. Весь резерв Ставки в это время был задействован на Московском направлении, и ослабленная Ленинградская группировка не могла вести эффективное наступление на Синявинском направлении, несмотря на грозные директивы Ставки. 23 октября Военный Совет Ленинградского фронта получил телеграмму Верховного Главнокомандующего: «Судя по вашим медлительным действиям, можно прийти к выводу, что вы все еще не осознали критического положения, в котором находятся войска Ленфронта. Если вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете фронта и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая вас связывает с тылом страны, все наши войска будут взяты в плен <...>. Либо вы в эти два-три дня прорвете фронт и дадите возможность вашим войскам отойти на восток в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы все попадете в плен. Мы требуем от вас решительных и быстрых действий. Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток. Это необходимо на тот случай, если Ленинград будет удержан и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важнее. Требуем от вас решительных действий»¹²⁹. Как видно из этой телеграммы, речь шла в первую очередь о спасении армии, в то время как сдача Ленинграда не исключалась. Но прорваться на восток тогда так и не удалось, а поставленная задача деблокировать Ленинград оказалась не выполненной и на этот раз.

Что же касается обстановки на тихвинском направлении, то она становилась для наших войск все более угрожающей. 28 октября 1941 г. Н. Н. Воронов, А. А. Жданов и А. А. Кузнецов докладывали в Ставку «о беспечности и бездеятельности командарма-4 Яковлева и его безразличном отношении к задаче удержания Тихвина»¹³⁰. Вмешательство Ставки в этом случае не улучшило положение 4-й армии, поскольку не было основано на учете реальных возможностей. Не лучшим образом действовало и командование 4-й армии, не сумевшее организовать

¹²⁶ Оборона Ленинграда. 1941-1944. Воспоминания и дневники участников / отв. ред. А. М. Самсонов. С. 218–219.

¹²⁷ История Второй мировой войны. 1939-1945. Т. 4. М., 1975. С. 111.

¹²⁸ Там же. С. 112.

¹²⁹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 55–56.

¹³⁰ Ленинград в борьбе месяц за месяцем. 1941-1944/науч. ред. А. Р. Дзенискевич. С. 54.

оборону Тихвина. Предпринятый здесь контрудар успеха не имел и исчерпал силы армии. В то же время немецкое командование после перегруппировки своих сил возобновило наступление. И хотя наша 4-я армия наносила противнику в оборонительных боях тяжелые потери, сдержать его она не смогла. После потери штабом 4-й армии управления войсками началось их беспорядочное отступление. В результате 8 ноября 1941 г. противник практически без боя захватил Тихвин и перерезал последнюю железную дорогу, по которой доставлялись грузы к Ладожскому озеру для Ленинграда. Тем самым создавалась угроза полной блокады города.

Немецко-фашистское руководство в очередной раз посчитало выигранной кампанию за Ленинград, но его намерения относительно судьбы населения осажденного города не изменились. В военном дневнике группы войск «Север» за 27 октября 1941 г. отмечалось: «Вопрос о Ленинграде и особенно о местном гражданском населении занимает верховное командование. Главнокомандующий сухопутными войсками предложил заложить минные поля на пространстве перед собственной линией, чтобы не дошло до непосредственной борьбы войск против гражданского населения. Если красные войска в районе Ленинграда сложат оружие и будут взяты в плен, то главнокомандующий не видит больше причин продолжать блокаду города. Войска должны быть передислоцированы в места их постоянного размещения. И в этом случае большая часть населения погибнет, но, по крайней мере, не на наших глазах»¹³¹.

Однако «красные войска» вовсе не собирались складывать оружие. Вступивший по приказу Сталина во временное командование 4-й армией генерал Мерецков сумел восстановить управление армией, а затем совместными действиями с 54-й армией и остановить наступление противника. В итоге цель германского командования – соединиться с финской армией и полностью блокировать Ленинград – не была достигнута. Но город по-прежнему оставался в смертельной опасности.

Неоправдавшиеся надежды на скорое избавление от вражеской осады настраивали население Ленинграда и его руководство на жестокую необходимость жить и работать в условиях длительной блокады. В это время в городе среди 2,5 млн населения находилось еще свыше 200 тыс. школьников, и Исполком Ленгорсовета принял решение начать их обучение. 3 ноября 1941 г. в 103 школах начали занятия 30 тыс. старшеклассников; 60 тыс. учащихся младших классов стали учиться в бомбоубежищах, красных уголках и на квартирах¹³². Это решение было принято, несмотря на непрекращавшиеся варварские обстрелы и бомбежки противника и большие потери от них. В ноябре 1941 г. жертвами обстрелов и бомбежек стали 6627 жителей осажденного города, из которых 1730 были убиты и 4897 ранены¹³³. Комментируя эти жертвы ленинградцев, немецкая разведка докладывала своему руководству: «Потери гражданского населения в результате бомбежек и артобстрелов в ноябре были значительными прежде всего потому что при сигнале воздушной тревоги на оборонных предприятиях работа все равно продолжалась и, кроме того, очереди перед продовольственными магазинами не рассеивались, несмотря на артобстрелы»¹³⁴.

Еще более жестоким врагом – коварным и невидимым – стал голод, с которым бороться в условиях блокады и недостатка продуктов питания оказалось почти невозможно. В начале ноября 1941 г. в ленинградских больницах появились первые пациенты с так называемой алиментарной дистрофией – заболеванием, вызванным истощением организма от постоянного

¹³¹ Война Германии против Советского Союза. 1941-1945. Документальная экспозиция / под ред. Рейнгольда Рюрупа. Берлин, 1992. С. 69.

¹³² 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг. С. 361–362.

¹³³ Ленинград в осаде. Сб. документов и материалов о героической обороне Ленинграда годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. С. 374.

¹³⁴ Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000. С. 108.

недоедания; в середине ноября были отмечены первые случаи смерти от дистрофии¹³⁵. Вскоре этот незнакомый ранее термин станет известен всем ленинградцам, а число жертв нового заболевания начнет нарастать с каждым днем. Единственным средством борьбы с дистрофией являлось полноценное питание, но после захвата немцами Тихвина, когда возникла угроза полного прекращения подвоза в Ленинград продовольствия, население ожидало нового снижения и без того мизерных норм. С 13 ноября по решению Военного Совета Ленинградского фронта на рабочую карточку стали выдавать 300 г, а на все остальные – по 150 г хлеба. Перед этим, четвертым уже по счету, снижением другие продукты выдавались нерегулярно и не полностью. В ноябре иждивенцы в дополнение к хлебному пайку получили всего по 1,5 кг других продуктов. Наступал голод, и, как следствие, к концу ноября смертность населения в городе выросла в 3-4 раза по сравнению с мирным временем¹³⁶.

Немецкое командование, имевшее достаточно полную информацию о продовольственном положении осажденного города, в том числе и о том, что повсеместно наблюдается опухание от голода, а также об очередном снижении норм выдачи хлеба, оперативно реагировало на эту меру с целью не допустить соприкосновения своих войск с голодающим населением. «Срочно требуется колючая проволока, так как Финский залив замерз, и здесь возник фронт, через который переходит прежде всего гражданское население, – отмечал в своем дневнике 14 ноября 1941 г. оберквартирмейстер 18-й немецкой армии. – Необходимо гнать беженцев из Ораниенбаума и Петербурга, применяя огонь (даже на дальнем расстоянии), так как об их пропитании не может быть и речи. Речь идет о том, где будут голодать беженцы, а не о том, голодают ли они вообще»¹³⁷.

8 ноября 1941 г. И. В. Сталин в разговоре по прямому проводу с командованием Ленинградского фронта еще раз предупредил: «Если в течение нескольких дней не прорветесь на восток, вы загубите Ленинградский фронт и население Ленинграда... Повторяю, времени у вас осталось очень мало, скоро без хлеба останетесь». Спустя несколько дней Г. М. Маленков в разговоре по прямому проводу с руководителями обороны Ленинграда, настаивая от имени Сталина «не медлить с наступлением», фактор времени выдвигал в качестве главного условия спасения Ленинграда: «Если не будете медлить и используете каждый час для выигрыша времени, есть все шансы спасти Ленинград»¹³⁸. Однако, как следует из записи этих переговоров, реальной и тем более немедленной помощи из Москвы в это критическое время ждать не приходилось. 9 ноября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял специальное постановление о выделении авиации для доставки грузов в Ленинград – 24 транспортных «Дугласов» дополнительно к 26 работающим на Ленинградской линии; они должны были ежедневно с утра 10 ноября до 14 ноября включительно доставлять продовольствие в Ленинград и вывозить обратно оборонные грузы. Установленный на 5 дней план предусматривал ежедневную доставку в Ленинград не менее 200 т продовольствия, в том числе 135 т концентратов (каша пшенная и суп гороховый); 20 т копченой колбасы и копченой свинины; 10 т сухого молока и яичного порошка; 10 т сливочного масла; 20 т топленого сала и комбижира¹³⁹. Конечно же, для снабжения почти 2,5 млн населения блокированного Ленинграда это было ничтожно мало, тем более что более половины из 200 т, доставляемых ежедневно в город, составляли концентраты, а не высококалорийные продукты. К тому же выделенные ГКО на 5 дней 24 «Дугласа», как это видно из разговора по прямому проводу А. А. Жданова с Г. М. Маленковым, на 13 ноября 1941 г. в Ленинграде еще не появились.

¹³⁵ Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде / ред. М. В. Черноруцкий. Л., 1947. С. 37.

¹³⁶ Ленинград в осаде. Сб. документов и материалов о героической обороне Ленинграда годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. С. 322.

¹³⁷ Война Германии против Советского Союза. 1941-1945. Документальная экспозиция. С. 70.

¹³⁸ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 61, 62, 69, 70.

¹³⁹ Там же. С. 64.

14 ноября 1941 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, которого, как известно, связывали с Ленинградом лучшие годы жизни, направил письмо в Государственный Комитет Обороны. «Трудности в положении Ленинграда и опасность для него, видимо, увеличиваются, – писал он. – Мне кажется необходимым, чтобы были выяснены и тщательно разработаны возможные пути и способы снабжения Ленинграда в условиях зимы: гужевое, автотранспортное, самолетами...» В своем ответе И. В. Сталин назвал эти соображения «совершенно правильными и своевременными» и заверил, что принимаются «все необходимые меры»¹⁴⁰.

Действительно, в это время 4-я армия под командованием генерала К. А. Мерецкова готовилась по приказу Ставки к контрнаступлению с целью возвращения Тихвина и возобновления прерванной доставки грузов по железной дороге к Волхову. Ведь действовавший еще с сентября 1941 г. воздушный мост между Большой землей и осажденным городом лишь в незначительной степени удовлетворял потребности города в продовольствии. Каждый рейс в осажденный город требовал от летчиков мужества и мастерства, ибо полеты проходили в условиях дождливой и туманной погоды, низкой облачности, при постоянных атаках вражеских истребителей. В октябре-декабре 1941 г. летчики Московской авиационной группы назначения доставили в Ленинград 4325 т продовольствия. С наступлением ледостава на Ладожском озере и прекращением водных перевозок единственным средством снабжения города осталась транспортная авиация, хотя идея использования «Дугласов» для снабжения Ленинграда вызвала неодобрительную реакцию Сталина, считавшего его «нецелевым»¹⁴¹.

Реальную помощь, как показал даже не совсем успешный опыт осенней навигации, могли принести только перевозки по Ладожскому озеру. Поэтому по инициативе Военного Совета Ленинградского фронта было решено проложить по Ладоге ледовую дорогу, подготовка к строительству которой началась еще в октябре 1941 г. Автодорожный отдел Управления тыла Ленинградского фронта, которому было поручено сооружение этой дороги, проделал совместно с учеными Гидрологического института большую подготовительную работу по изучению ледового режима Ладоги и проектированию трасс ледового пути. 6 ноября 1941 г. был подготовлен первый вариант проекта постановления Военного Совета Ленинградского фронта «О постройке ледяных дорог через Ладожское озеро». В последующих проектах было скорректировано направление строительства ледового пути, и 13 ноября 1941 г. заместитель командующего войсками и начальник тыла Ленинградского фронта генерал-майор Ф. Н. Лагунов подписал приказ по тылу «Об организации постройки ледяной дороги по водной трассе мыс Осиновец – маяк Кареджи»¹⁴². В результате напряженных и самоотверженных поисков была разведана ледовая дорога по трассе Коккореве – острова Зеленцы – Кобона. 19 ноября командующий войсками Ленинградского фронта генерал-лейтенант М. С. Хозин, член Военного Совета фронта А. А. Жданов и генерал-майор А. В. Гвоздков (зам. начальника штаба фронта) подписали приказ войскам Ленинградского фронта «Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро»¹⁴³.

21 ноября 1941 г. в Осиновец прибыл первый конно-санный обоз, доставивший по еще очень тонкому льду 63 т муки, но для осажденного Ленинграда это были бесценные тонны: с ними появилась надежда на спасение. И только после этого руководители обороны Ленинграда обратились в Государственный Комитет Обороны с просьбой разрешить эксплуатацию ледовой дороги по Ладожскому озеру. И. В. Сталин, которому поступила эта просьба после согласования в ГКО, хотя и санкционировал эксплуатацию ледовой дороги, тем не менее

¹⁴⁰ На защите Невской твердыни / отв. ред. Ю. Н. Яблочкин. С. 255–256.

¹⁴¹ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 427–428.

¹⁴² Ковальчук В. М. Ленинград и Большая Земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг. С. 94.

¹⁴³ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 195–196.

высказал сомнение в ее успехе, оставив на документе такую помету: «Предупреждаем Вас, что все это дело малонадежное и не может иметь серьезного значения для Ленинградского фронта»¹⁴⁴. К счастью, председатель ГКО в данном случае ошибался: ледовая дорога не только стала действовать, но и приобрела стратегическое значение для обороны Ленинграда, стала для ленинградцев подлинной Дорогой жизни. 23 ноября 1941 г. из Кобоны вышла первая автоколонна, которая по окрепшему за эти дни льду благополучно перевезла на западный берег 70 т муки¹⁴⁵. Чтобы наладить бесперебойные перевозки по ледовой дороге и довести ее запланированный грузооборот в оба конца до 4 тыс. т в сутки, предстояло еще преодолеть огромные трудности. Одна из них состояла в том, что с потерей Тихвина пришлось перенести базы снабжения на станции Заборье и Подборье, находившиеся на расстоянии свыше 300 км от восточного берега Ладожского озера.

И хотя Военный Совет Ленинградского фронта принял решение построить зимнюю фронтную автомобильную дорогу Заборье – Кобона, Ставка все настойчивее требовала отбить у противника Тихвин.

19 ноября 1941 г. 4-я армия перешла в контрнаступление в районе Тихвина. Командовавший ею генерал К. А. Мерецков впоследствии признавал, что тяжелое положение Ленинграда и настоятельные требования Ставки заставили его отдать приказ о контрнаступлении до того, как были получены пополнения и материальные средства. Имея некоторое преимущество в людях и артиллерии, наши войска уступали противнику в танках, нуждались в стрелковом автоматическом оружии. Особый недостаток 4-й армии испытывала в боеприпасах. Так, на день боя 82-мм миномет имел 8-10 минут, а 120-мм миномет и 122-мм гаубица могли сделать всего 6-8 выстрелов¹⁴⁶. Начавшееся контрнаступление 4-й армии не только сразу же обнаружило эти неблагоприятные факторы, но показало, что немецко-фашистские войска сумели в короткий срок организовать на тихвинском направлении труднопреодолимую систему артиллерийско-минометного и ружейно-пулеметного огня в сочетании с инженерными и минно-взрывными заграждениями, создать узлы сопротивления и укрепить свои оборонительные позиции за счет умелого использования рельефа местности. Поэтому с самого начала бои приняли ожесточенный и затяжной характер. Людские потери в полосе действия 4-й армии были самыми большими за время Тихвинской операции и составляли до 500 человек в сутки¹⁴⁷. Но выполнить поставленную задачу – вернуть Тихвин – в ноябре 1941 г. нашим войскам так и не удалось.

19 ноября 1941 г., когда наша 4-я армия перешла в контрнаступление на тихвинском направлении, Военный Совет Ленинградского фронта был вынужден принять (под грифом «Совершенно секретно») постановление «О временном изменении норм отпуска хлеба». В нем говорилось: «1. Во избежание перебоев в обеспечении хлебом войск фронта и населения гор. Ленинграда установить с 20 ноября 1941 г. следующие нормы отпуска хлеба: рабочим и ИТР – 250 гр., служащим, иждивенцам и детям – 125 гр., частям первой линии и боевым кораблям – 500 гр., летно-техническому составу ВВС – 500 гр., всем остальным воинским частям – 300 гр. 2. Выдать в третьей декаде ноября месяца 100 гр. сухофруктов и 100 гр. картофельной муки по детским карточкам». Это были самые голодные нормы выдачи хлеба войскам и населению Ленинграда за все время блокады. Суточный лимит расхода муки и примесей составлял с 20 ноября всего 510 т, из них для населения Ленинграда – 310 т, Ленинградской области – 31 т, войск Ленинградского фронта – 144 т и частей КБФ – 25 т¹⁴⁸.

¹⁴⁴ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. С. 432.

¹⁴⁵ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая Земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941-1943 гг. С. 106.

¹⁴⁶ Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1968. С. 242.

¹⁴⁷ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / под ред. Г. Ф. Кривошея. С. 172.

¹⁴⁸ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 663.

Обращает на себя внимание тот факт, что этим постановлением лимитировался суточный расход не только муки, но и примесей. Чтобы не прекратить выдачу населению хлеба совсем, приходилось использовать при его выпечке всевозможные примеси (солод, соевая мука, жмых, овсяная мука), процентное содержание которых постоянно росло и к этому времени составило 40 % по отношению к муке. Но и примеси были на исходе. Тогда в качестве одного из компонентов примесей ученые предложили целлюлозу, применявшуюся ранее только как сырье для получения бумаги. Разработанные под руководством заместителя директора ВНИИ гидролизной промышленности профессора В. И. Шаркова гидролизные установки для превращения целлюлозы в пищевой продукт были смонтированы на 6 предприятиях города. Постановлением Военного Совета Ленинградского фронта от 19 ноября 1941 г. ежедневная выработка пищевой целлюлозы с 20 по 22 ноября была определена в 35 т, а с 23 ноября она должна была достигнуть 80 т¹⁴⁹. В конце ноября 1941 г. пищевая целлюлоза стала поступать на хлебозаводы. Конечно, ее применение не обогатило питательную ценность хлеба, представлявшего собой темно-коричневую полужидкую массу, которую в булочных развешивали при помощи лопаток. И все же целлюлоза спасла отчаянное положение, помогла экономить таявшие с каждым днем запасы муки. За годы блокады было выработано 16 тыс. т пищевой целлюлозы, что позволило дополнительно выпекать сотни тонн хлеба¹⁵⁰.

Большим подспорьем в пищевом рационе ленинградцев стала соя, оказавшаяся в значительном количестве на складах города. Исследованием процесса извлечения питательных веществ из сои занимались сотрудники Научно-исследовательской лаборатории пищевой гигиены, Первого медицинского института, Педиатрического института и других научных учреждений города¹⁵¹. Из сои получали молоко, шрот, молочнокислые продукты. Каждый килограмм соевых бобов давал 7 л соевого молока, 1,5 кг шрота, из которого приготавливали сырники, котлеты и даже пирожные. Ленинградский молочный комбинат выпускал 26 видов продукции из сои. В условиях почти полного отсутствия натурального молока особое значение приобретало изготовление соевого молока, которым с сентября 1941 г. стали снабжаться больницы, госпитали, детские молочные кухни. В ноябре 1941 г. Ленинградский молочный комбинат выпустил почти 570 т соевого молока и лишь около 56 т натурального¹⁵².

Однако в эти трудные ноябрьские дни 1941 г. Ленинград делал все, чтобы отстоять себя и не позволить врагу ступить на свои улицы. Его промышленность продолжала выпускать артиллерийские орудия, минометы, боеприпасы, которые направлялись не только на Ленинградский фронт, но и под Москву, где готовилось в это время решающее контрнаступление наших войск. Полуразобранные орудия доставлялись на Московское направление. «С волнением и большим удивлением получали бойцы артиллерийское вооружение с маркой заводов осажденного врагом города, – вспоминал находившийся в ноябре 1941 г. в Ленинграде представитель Ставки Н. Н. Воронов. – Рабочие и работницы, инженеры и техники, ослабевшие от голода, создавали это оружие, вкладывая в него всю любовь к Родине и всю ненависть к врагу»¹⁵³. На защиту Москвы из заблокированного Ленинграда было отправлено свыше 400 полковых пушек, около 1 тыс. минометов различных калибров и почти 40 тыс. бронебойных снарядов¹⁵⁴. 28 ноября 1941 г. в Смольный пришла телеграмма командующего Западным фронтом генерала армии

¹⁴⁹ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. С. 195.

¹⁵⁰ Соболев Г. Я. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 62.

¹⁵¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Фонд И. В. Даниловского. Д. 20. Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады. С. 38–39.

¹⁵² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД). Ф.4000. Он. 11. Д. 56. Л. 15 об.; Ф.25. Он. 15. Д. 143. Л. 140.

¹⁵³ Оборона Ленинграда. 1941-1944. Воспоминания и дневники участников / отв. ред. А. М. Самсонов. С. 220.

¹⁵⁴ Демидов В. И. Снаряды для фронта. С. 121–122.

Г. К. Жукова: «Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровожадными гитлеровцами»¹⁵⁵.

20 ноября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О производстве минометов в Ленинграде», инициатива принятия которого исходила от Военного Совета Ленинградского фронта, предлагавшего произвести в декабре 1941 г. на ленинградских заводах 400 минометов калибра 120 мм, 1300 минометов калибра 82 мм и 2000 – 50 мм. При этом половина произведенных в декабре минометов должна была поступить из Ленинграда в распоряжение Главного Артиллерийского управления Наркомата Обороны¹⁵⁶. Если иметь в виду, что предложения Военного Совета опирались на реальные возможности оборонного производства блокированного города, то можно говорить о том, что и в ноябре 1941 г. его оборонный потенциал был еще значительным. Однако к концу ноября 1941 г. из-за отсутствия топлива и электроэнергии пришлось законсервировать 270 крупных предприятий¹⁵⁷. Хотя часть рабочих остановленных предприятий перешла на другое производство, тысячи рабочих Ленинграда лишились не только источника продовольственного обеспечения по более высоким нормам, но и своих производственных коллективов.

Наступление голода и дальнейшее ухудшение бытовых условий в осажденном городе способствовали резкому росту негативных настроений его населения, несмотря на усилия партийных и советских властей если не нейтрализовать, то хотя бы ослабить возраставшее с каждым днем напряжение на заводах, фабриках и в учреждениях. Снятию этого напряжения в определенной степени содействовало выступление И. В. Сталина 6 ноября 1941 г. на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся, посвященного XXIV годовщине Октябрьской революции. Трансляцию этого заседания многие ленинградцы слушали с надеждой получить ответы на волнующие их вопросы, прежде всего на вопрос о том, когда Ленинград будет вызволен из вражеской осады. Хотя выступление вождя удовлетворило далеко не всех, Управление НКВД по Ленинграду докладывало «наверх» о том, что выступление т. Сталина подняло боевой дух трудящихся Ленинграда, «вселило в них непоколебимую веру в победу над врагом»¹⁵⁸.

К концу ноября 1941 г. интенсивность вражеских обстрелов города увеличилась, их среднесуточная продолжительность составляла 9 час. 13 мин., превысив октябрьскую «норму» почти в 2 раза¹⁵⁹. По-прежнему держала в напряжении население и вражеская авиация. 26 ноября 1941 г. фугасная бомба разрушила одно из университетских общежитий на 5-й линии Васильевского острова. Общее количество погибших, извлеченных из-под завалов за период с 26 ноября по 4 декабря 1941 г., составляло 69 человек, около 40 человек было ранено¹⁶⁰. Коробки разрушенных и сгоревших домов вышли на первый план блокадной панорамы. С 17 ноября Ленинград погрузился во тьму: было отключено электричество. С этого дня пользоваться электроэнергией в пределах установленных лимитов разрешалось только в зданиях Смольного, Главного штаба, Ленэнерго, Управления милиции и отделений милиции, райкомов партии, райсполкомов, райвоенкоматов, городского и районных штабов МПВО, Главпочтамта, телеграфа, телефонных станций, Управления городской пожарной охраны, судебных органов, в госпиталях и больницах, конторах домохозяйств.

Пульс жизни блокадного Ленинграда в ноябре 1941 г. заметно замедлился. Занятия в школах и вузах еще продолжались, но с каждым днем таяло число тех, кто их посещал. Уче-

¹⁵⁵ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 109.

¹⁵⁶ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: в 2 кн. Кн. 1. С. 129.

¹⁵⁷ Демидов В. И. Снаряды для фронта. С. 127.

¹⁵⁸ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: в 2 кн. Кн. 1. С. 346.

¹⁵⁹ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг. С. 140.

¹⁶⁰ Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны. С. 22.

ные продолжали выполнять исследования для фронта, но большинство научно-исследовательских институтов уже бездействовало. В ноябре в Большом зале Филармонии еще проходили концерты симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета во главе с дирижером К. И. Элиасбергом, в холодные помещения Публичной библиотеки и Библиотеки Академии наук еще приходили читатели, ленинградцы в своем активном большинстве продолжали бороться, но сил для сопротивления становилось все меньше.

1 декабря 1941 г. И. В. Сталин и В. М. Молотов, не говорившие с Ленинградом по прямому проводу более двух недель, вызвали к аппарату А. А. Жданова и командующего Ленинградским фронтом М. С. Хозина. Судя по записи этих переговоров, Сталин был особенно раздражен тем, что «товарищ Жданов не чувствует потребности прийти к аппарату и потребовать кого-либо из нас для взаимной информации в столь трудную минуту для Ленинграда. Бели бы мы, москвичи, не вызывали вас к аппарату, пожалуй, товарищ Жданов забыл бы о Москве и москвичах, которые могли бы подать помощь Ленинграду...»¹⁶¹ Конечно же, Жданов ни на минуту не мог забыть о Москве: он не мог не помнить о резком недовольстве Сталина в связи с созданием Военного Совета обороны Ленинграда в августе 1941 г., когда ленинградские руководители были обвинены в том, что они «просто неорганизованные люди и не чувствуют ответственности за свои действия». На этот раз, по признанию самого Жданова, он не мог сообщить Верховному Главнокомандующему «что-либо существенное», а обратиться по своей инициативе с просьбой о помощи не рисковал, боясь вызвать в очередной раз недовольство. И вот теперь представился удобный случай просить Верховного Главнокомандующего, «чтобы быстрее осуществился нажим наших войск на Будогощь, Кириши, с тем, чтобы лишить противника возможности путей подвоза», а также ускорить переброску пополнения для 54-й армии и присылку снарядов для 152-мм пушек. Обещая содействовать в выполнении этих просьб, Сталин заверил: «Скоро Тихвин возьмем и навалимся на Будогощь». Но его главный совет состоял в том, чтобы не терять времени и дорожить не только каждым днем, но и часом. «Противник собрал все свои силы почти со всех фронтов против Москвы, – пояснял он свою мысль. – Все остальные фронты имеют теперь благоприятный случай ударить по врагу, в том числе и ваш фронт. Пользуйтесь случаем, пока не поздно». Со своей стороны Жданов и Хозин обещали «зверски воевать на всех участках нашего фронта, не откладывая ни минуты»¹⁶².

В самом деле, достигнутые в эти дни успехи на других фронтах позволяли надеяться на «что-либо существенное» под Ленинградом. 5 декабря началось контрнаступление Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов, в результате которого немецко-фашистские войска были отброшены от Москвы на 100-250 км. Активные наступательные действия начались и на войбокальском, маловишерском и тихвинском направлениях. 9 декабря войска 4-й армии овладели Тихвином, сорвав тем самым планы гитлеровского командования соединиться с финскими войсками и полностью отрезать все пути снабжения Ленинграда. Победа под Тихвином досталась 4-й армии дорогой ценой: за время боев на этом направлении в ноябре-декабре 1941 г. ее безвозвратные потери составили около 9 тыс. человек, кроме того, свыше 16 тыс. человек получили ранения¹⁶³.

Декабрьские успехи Красной Армии подняли моральный дух советского народа, утвердили уверенность в окончательной победе над немецко-фашистскими захватчиками. Радостные вести с тихвинского направления пришли и в Ленинград, и вновь у его жителей затеплилась надежда на скорое освобождение от блокады. В опубликованном 13 декабря 1941 г. сообщении Совинформбюро говорилось не только о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой, но и об освобождении Тихвина.

¹⁶¹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 73.

¹⁶² Там же. С. 74.

¹⁶³ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. С. 172.

Возвращение Тихвина позволило возобновить перевозки продовольствия для осажденного Ленинграда по восстановленной Северной железной дороге до ст. Войбокало. Доставка грузов на восточный берег Ладожского озера наиболее коротким путем была таким образом обеспечена. Однако проблема транспортировки этих грузов через озеро по-прежнему оставалась наиболее слабым и уязвимым местом. Ладожская ледовая дорога из-за чрезвычайно сложных условий эксплуатации трассы в декабре не удовлетворяла и дневную потребность города в продовольствии. В декабре 1941 г. по ледовой дороге поступало в сутки в среднем 347 т хлебопродуктов, в то время как требовалось не менее 500 т по самым голодным нормам¹⁶⁴. Вычисленные в Исполкоме Ленгорсовета с точностью до десятых дней запасы были уже практически неприкосновенными, и население получало только хлебный паек: мизерный кусочек хлеба, почти наполовину состоявший из суррогатных примесей. Суточный рацион занятого на производстве рабочего составлял 1 тыс. калорий, служащего – около 600 калорий, иждивенца – менее 500 калорий, в то время как нормальная потребность взрослого человека определялась в 3-3,5 тыс. калорий. Содержание белков в пище ленинградцев в ноябре-декабре 1941 г. снизилось до 10 г в день, тогда как население Германии в самое голодное для него время 1916-1917 гг. получало с пищей от 25 до 50 г белков в день. Заведующий отделом торговли Ленгорсовета И. А. Андреев впоследствии рассказывал: «Я помню, как в декабре я был вечером у секретаря горкома партии Алексея Александровича Кузнецова. Еще раз мы просмотрели наличие запасов продовольствия. Снижать хлебную норму населению уже некуда было, нельзя уже было, народ и так умирал. Разбирали-разбирали, прикидывали. Алексея Александровича я до войны знал, встречался с ним. Он был волевым человеком, много сделал для того, чтобы сохранить больше жизней ленинградцев, но таким мрачным я его еще не видел. И все-таки он потом говорил (об этом у меня записано): «„Знаешь, мы не можем опускать руки, нельзя!“ и привел такой пример: «„Знаешь, что мне на Кировском заводе сказал один рабочий? Камни будем грызть, но Ленинград не сдадим!..“ Пошли мы к товарищу Жданову, доложили и снизили продовольственные нормы не населению, а военным, морякам и солдатам. В декабре месяце плохо было дело...»¹⁶⁵

Продовольственное положение воинов Ленинградского фронта и моряков Балтийского флота также с каждым днем ухудшалось. Солдаты, матросы и офицеры сильно страдали от голода, хотя и в меньшей степени, чем население Ленинграда. Начиная с 9 сентября 1941 г. в войсках фронта несколько раз проводилось сокращение суточной нормы питания. В конце ноября 1941 г. в частях первой линии стали выдавать 300 г хлеба и 100 г сухарей. Мучной суп утром и вечером, мучная каша в обед дополняли хлебную выдачу. И все же Военный Совет фронта, учитывая отчаянное положение голодающего населения Ленинграда, постановил 21 декабря 1941 г. передать городу более 300 т продовольствия из запасов, хранившихся в Кронштадте. Большая часть этого продовольствия была направлена на оборонные предприятия¹⁶⁶.

Чтобы совсем не прекратить выдачу населению минимальных норм хлеба, пришлось пойти со второй половины ноября 1941 г. на увеличение примесей в составе выпекаемого хлеба. Ржаная мука составляла в нем в это время всего 55 %, а остальная часть – разные примеси (солодовая, овсяная и ячменная мука, отруби, обойная пыль и сметки, рисовая лузга, жмых, пищевая целлюлоза)¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. С.216.

¹⁶⁵ *Адамович Алесъ, Грацин Данил.* Блокадная книга. С. 139–140.

¹⁶⁶ *Худякова Н. Д.* Вся страна с Ленинградом (1941-1943 гг.). Л., 1960. С. 58–59.

¹⁶⁷ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. С.217.

Изысканием дополнительных источников питания и пищевых заменителей в это голодное время занимались практически все ленинградцы, на предприятиях и учреждениях, в научных институтах, высших учебных заведениях и школах.

Еще одним источником добывания продуктов питания стал черный рынок, но из-за высоких цен продаваемые там расхитителями и спекулянтами продукты были недоступны большинству простых ленинградцев. По данным У НКВД ЛО на 25 декабря 1941 г., цена 100 г хлеба составляла 30 руб., 100 г масла – 70-80 руб., 100 г сахара – 30 руб., 1 кг мяса – 200 руб., 1 кг конины – 150 руб., 1 кг картофеля – 60 руб.¹⁶⁸ Чтобы соотнести эти цены с покупательной способностью населения Ленинграда, надо иметь в виду, что заработная плата в это время выплачивалась нерегулярно и в первую очередь тем, кто работал на еще действующих предприятиях и учреждениях. Снять же деньги со своих сберегательных книжек ленинградцы с начала войны могли в сумме не более 200 руб. в месяц. В порядке исключения композиторы, художники, писатели, народные и заслуженные артисты, деятели культуры и искусства могли брать со своих вкладов в месяц до 1 тыс. руб.

К концу декабря 1941 г. «пищевая доминанта» завладела населением блокированного города. «Мучительный голод заставляет человека и думать, и говорить только об одном – о пище, делиться воспоминаниями о любимых и нелюбимых блюдах, вызывает сожаления о прежних капризах, о тех недоеденных и вовсе не употребленных простых блюдах, которыми пренебрегали в былое время, – отмечает в своем дневнике врач амбулатории фабрики «Красное знамя» А. И. Лихачева. – Где встретятся два-три человека, на службе ли, на работе, в очереди, разговор только об еде. Что дают по карточкам, какая норма, что можно достать и т. д. – это кардинальный жизненный вопрос каждого»¹⁶⁹.

Жестокий голод усугублялся наступившими сильными холодами, почти полным отсутствием топлива и электроэнергии. 2 декабря 1941 г. Исполком Ленгорсовета установил лимиты расходования угля для коммунальных предприятий и учреждений на текущий месяц. Медицинским учреждениям выделялось около 6 т, баням и прачечным – 4,55 т, Ленводопроводу – 0,7 т, Трамвайно-троллейбусному управлению – 0,65 т, Городскому отделу народного образования (включая детские сады и ясли) – всего 0,05 т. Эти мизерные цифры, носившие скорее символический характер, объяснялись тем, что в резерве города к этому времени осталось всего 325 т угля для коммунальных потребителей. Решением Исполкома Ленгорсовета от 20 декабря 1941 г. были «разбронированы» дровяные склады Ленгортопа¹⁷⁰. Чтобы хоть как-то разрешить топливную проблему, Исполком Ленгорсовета разрешил в декабре разбирать на дрова деревянные дома и другие деревянные сооружения, главным образом подвергшиеся разрушению. Были снесены трибуны стадиона им. Ленина, летние постройки в парках, так называемые «американские горы» и др. Все это дало блокированному городу около 150 тыс. кубометров дров. Кроме того, на организованных в Парголовском и Всеволожском районах лесозаготовках было заготовлено еще 300 тыс. кубометров дров. Исполком Ленгорсовета смог выделить из своих скудных запасов населению всего 15 тыс. кубометров дров, 90 тыс. – предприятиям и учреждениям, 14 тыс. – хлебопекарным заводам и 40 тыс. – Ленэнерго¹⁷¹. Из-за отсутствия бензина грузовой автотранспорт был переведен на газогенераторное топливо («чурки»), производство которого было налажено на Ижорском фанерном заводе.

Суточная выработка электроэнергии с сентября по декабрь 1941 г. сократилась почти в 7 раз. Минимальные нормы снабжения Ленинграда электроэнергией обеспечивали коллективы II и V ГЭС, на помощь которым было направлено около 2 тыс. рабочих, снятых по решению

¹⁶⁸ Ломажин Н.А. Неизвестная блокада: в 2 кн. Кн.2. С.267.

¹⁶⁹ Оборона Ленинграда. 1941-1944. Воспоминания и дневники участников / отв. ред. А. М. Самсонов. С. 684.

¹⁷⁰ Иванов В. А. Реакция ленинградцев на чрезвычайные условия блокады и на меры властей // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники, исследования, историография / сост. и науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005. С. 119–120.

¹⁷¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384. Он. 18. Д. 1430. Л. 38.

Исполкома Ленгорсовета со строительства Володарского сектора обороны города¹⁷². 9 декабря 1941 г. в целях сокращения расхода электроэнергии было упразднено 8 трамвайных маршрутов и снято с линии 90 трамвайных вагонов¹⁷³. Вскоре трамваи и троллейбусы застыли на улицах города, став неотъемлемой частью блокадного пейзажа зимы 1941-1942 г. Из-за недостатка электроэнергии один за другим останавливались оборонные заводы. «В городе почти нет электроэнергии, сегодня остановился наш завод», – записал 11 декабря 1941 г. в своем дневнике директор «Севкабеля» А. К. Козловский¹⁷⁴. 20 декабря в литейном цехе Кировского завода подача электроэнергии прекратилась в тот момент, когда рабочие разливали металл по формам, предназначенным для отливки снарядов. На заводе им. Лепсе электроэнергию отключили 25 декабря 1941 г. «У меня до сих пор перед глазами эта картина, – вспоминал начальник литейного цеха М. Г. Дерябин. – Иду в цех, а в цехе – багровое пламя... Ковш наполовину опрокинут и расплав льется прямо в яму...»¹⁷⁵

Все эти нечеловеческие лишения и трудности вызвали огромную смертность среди ленинградцев. Бурное развитие дистрофии усугублялось тяжелыми психическими травмами, вызванными постоянными бомбежками, обстрелами, потерей близких людей. Физическое перенапряжение, холод, отсутствие электричества и отопления, воды, канализации и других элементарных бытовых условий служили катализатором снижения жизненного тонуса, парализуя волю к жизни. Ленинградцы умирали дома в холодных квартирах, на работе, на улице, в очередях за хлебом. Горе пришло в каждую семью. На глазах у матерей и отцов умирали их сыновья и дочери, дети оставались без родителей. Возникшая в силу нечеловеческих условий жизни в осажденном городе и прежде всего из-за невиданного ранее голода алиментарная дистрофия останется в истории медицины периода Великой Отечественной войны как «ленинградская болезнь». Ученые, изучавшие эту болезнь и искавшие средства борьбы с ней, наблюдали многие тысячи людей в крайних условиях их существования и, к великому горю, мало чем могли им помочь. Отношение числа смертельных случаев к числу заболеваний дистрофией достигало в это критическое время 85 %¹⁷⁶. Медицинским работникам было ясно, что решающим средством борьбы с дистрофией является полноценное питание, но в декабре 1941 г. единственным общедоступным средством спасения людей был кипяток. И по решению Исполкома Ленгорсовета от 6 декабря 1941 г. во всех районах города были установлены общественные кипяtilьники, из которых литр кипятка отпускался по цене три копейки¹⁷⁷. 13 декабря 1941 г. Управление НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду направило на имя А. А. Жданова, М. С. Хозина и А. А. Кузнецова следующее спецсообщение: «В связи с продовольственными затруднениями среди населения, особенно среди женщин, отмечается рост отрицательных настроений. Эти настроения сводятся к тому, что: а) положение Ленинграда безнадежно, блокады не прорвать, население погибнет от голода; б) в декабре в городе окончится весь запас продуктов, после чего Ленинград будет сдан немцам; в) в случае сдачи города облежится положение продовольствием; г) голодать дальше невыносимо, необходимо действовать организованно, устраивать бунты, погромы хлебных и продовольственных магазинов. Рост отрицательных настроений показывают и данные военной цензуры. Возрастает процент отрицательных сообщений, выражающих недовольство снижением норм выдачи хлеба и голодным существованием...»¹⁷⁸

¹⁷² Там же. Д. 1430. Л. 5.

¹⁷³ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг. С. 239.

¹⁷⁴ Оборона Ленинграда. 1941-1944. Воспоминания и дневники участников / отв. ред. А. М. Самсонов. С. 573.

¹⁷⁵ Демидов В. И. Снаряды для фронта. С. 128.

¹⁷⁶ Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. Т. 2. М., 1948. С. 49.

¹⁷⁷ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1430. Л. 60.

¹⁷⁸ Ломагин Я. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. С. 194.

Эффективным средством спасения населения могла и должна была стать его эвакуация. Постановлением Военного Совета Ленинградского фронта от 19 ноября 1941 г. была утверждена «Комиссия по эвакуации из Ленинграда людей» во главе с председателем Исполкома Ленгорсовета П. С. Попковым. 26 ноября 1941 г. последовало подписанное А. Н. Косыгиным распоряжение Совета по эвакуации СССР, утвердившее предложение Исполкома Ленгорсовета об эвакуации из Ленинграда автотранспортом до ст. Заборье с дальнейшей пересадкой на железнодорожный транспорт 118 тыс. человек. В первую очередь это были рабочие эвакуированных предприятий и члены их семей – 75 тыс. человек; ученики ремесленных училищ и школ ФЗО – 34 тыс. человек; преподаватели и слушатели военных академий – 6 тыс. человек; специалисты и научные работники – 3 тыс. человек¹⁷⁹. Едва начавшаяся эвакуация сразу же встретилась с огромными трудностями, и намеченный план – вывозить ежедневно до 7 тыс. человек – оказался нереальным. В связи с этим 6 декабря 1941 г. Военный Совет Ленинградского фронта принял новое постановление, согласно которому массовая эвакуация должна была начаться с 10 декабря 1941 г. по ледовой дороге через Ладожское озеро, число вывозимых людей к 20 декабря должно было достигнуть 5 тыс. в сутки. Однако 12 декабря Военный Совет постановил «отложить эвакуацию из Ленинграда по фронтовой автомобильной дороге впредь до особого распоряжения»¹⁸⁰. Хотя в постановлении Военного Совета от 6 декабря 1941 г. были определены последовательно все маршруты эвакуации и ответственные за них лица, в первые же дни выяснилось, что практически массовая эвакуация не подготовлена.

Слухи о возможной эвакуации через Ладожское озеро захватили ленинградцев, о чем можно судить и по записям в блокадных дневниках. «Трудно человеку, не испытывавшему всех тягот нашего положения, представить себе, как заманчиво для нас оказаться через несколько дней в условиях, в которых можно вволю поесть хлеба и картошки, – читаем в одном из дневников. – Об этом мы мечтаем как о недостижимом счастье. Мечтаем мы и о том времени, когда можно будет спокойно спать, не думая о том, что ненароком в тебя может попасть фугасная бомба или артиллерийский снаряд. И вдруг понимаешь, что эти мечты могут осуществиться – правда, при известных трудностях и опасностях – благодаря эвакуации»¹⁸¹. Но в декабре 1941 г. этой мечте большинства ленинградцев не суждено было сбыться. Актом безрассудства можно назвать начавшуюся с конца декабря 1941 г. «походным порядком» эвакуацию через Ладожское озеро беженцев, оставшихся в заблокированном городе. Многим из них так и не удалось достигнуть восточного берега Ладоги.

Расставшись с мечтой об эвакуации в ближайшее время, многие ленинградцы теряли последние силы в борьбе за свою жизнь. По заснеженным улицам города по направлению к кладбищам тянулись многочисленные похоронные процессии. Закутанные человеческие фигуры медленно и молча двигались из последних сил, волоча за собой саночки, фанерные листы с уложенными на них в самодельных гробах, ящиках или зашитыми в одеяла или простыни покойниками. С середины декабря 1941 г., констатировалось в отчете городского управления коммунального хозяйства, «кладбища, особенно Серафимовское, Больпеохтинское и Волково, представляли такую картину: перед воротами кладбищ прямо на улице, на самих кладбищах у контор, церквей, на дорожках, в канавах, на могилах и между ними десятками, а иногда и сотнями лежали оставленные покойники в гробах и без них...»¹⁸² 18 декабря 1941 г. руководство треста «Похоронное дело» обратилось к председателю Исполкома Ленгорсовета

¹⁷⁹ Черепенина Н. Ю. Эвакуация населения Ленинграда по ледовой дороге в 1941 г. (по документам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга) // Россия. Век двадцатый. СПб., 2011. С 177-180.

¹⁸⁰ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. С. 277–279, 590.

¹⁸¹ Попова Н. «Блокадный дневник» Александра Немцева // Люди одной судьбы. СПб., 2005. С. 137.

¹⁸² Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. С. 325.

П. С. Попкову с предложением начать захоронения в братских могилах¹⁸³. 26 декабря 1941 г. начальник УНКВД по Ленинграду и Ленинградской области П. Н. Кубаткин направил на имя А. А. Жданова справку о смертности в Ленинграде по состоянию на 25 декабря 1941 г.¹⁸⁴ В ней констатировалось, что «в связи с продовольственными трудностями в Ленинграде увеличилась смертность населения». И далее приводились бесстрастные цифры – последствия деликатно называемых в справке «продовольственных трудностей». Познакомившийся с этим документом заинтересованный читатель будет ошарашен, узнав, что если в довоенном Ленинграде умирало в месяц в среднем до 3500 человек, то за 25 дней декабря 1941 г. смертность составила 39 073 человека. С 20 по 25 декабря 1941 г. на улицах города скорострительно скончалось 656 человек¹⁸⁵. Далекое не точный итог смертности в декабре 1941 г. в блокадном Ленинграде приблизился почти к 53 тыс. человек, что превысило годовую смертность в 1940 г. – 46 827 человек¹⁸⁶. Но это был еще не предел.

К великому сожалению, в декабре 1941 г. работа Ладужской ледовой дороги далеко еще не оправдывала возлагавшихся на нее надежд. Из-за сложных условий ее эксплуатации план перевозок не выполнялся, и осажденный город располагал в это время запасами муки для выпечки хлеба на один-два дня. Но 21 декабря 1941 г. на имя А. А. Жданова пришла спасительная телеграмма от генерала К. А. Мерецкова: «Задача, поставленная т. Сталиным войскам 4 армии, выполнена. Сегодня 20.12 16.00 железная дорога Тихвин – Волхов полностью очищена от войск противника и может быть использована для подвоза грузов летучками до Волхова»¹⁸⁷. Правда, эту железную дорогу и, особенно, мосты предстояло еще восстановить, на что требовалось время, хотя бы несколько дней.

24 декабря 1941 г. А. А. Жданов уже информировал Москву о том, что в течение этого дня в город по Ледовой дороге из Новой Ладogi впервые поступило большое количество муки – 669 т¹⁸⁸, превышавшее дневную потребность города в муке. Военный Совет Ленинградского фронта, учитывая отчаянное положение населения и реально надеясь на улучшение подвоза продовольствия в ближайшее время, пошел на рискованный шаг – принял в тот же день постановление о прибавке хлебных норм. 25 декабря 1941 г. население Ленинграда стало получать 350 г хлеба по рабочей карточке и 200 г по служащей, детской и иждивенческой. В связи с этим суточный лимит расхода муки и примесей был установлен в 560 т, из которых населению Ленинграда и области выделялось 395 т¹⁸⁹. 25 декабря А. А. Жданов в разговоре по прямому проводу с Г. М. Маленковым с оптимизмом сообщил: «С сегодняшнего дня решили прибавить по 100 гр. рабочим и 75 гр. всем остальным. А всего будут получать и уже получают 300 гр. рабочие и 200 гр. – остальные. В городе настоящий праздник, только просим, чтобы нас не подвели с подачей хлеба и с 1 января просим, чтобы нам давали из расчета 800 тонн в день муки. Требуется скорейшее восстановление железной дороги, чему мы помогаем. И еще просим доставлять нам автогорючее, которого у нас нет»¹⁹⁰.

Хлебная прибавка 25 декабря была действительно важным событием в жизни ленинградцев, о чем можно судить и по спецсообщению Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области, составленному по донесениям информаторов об откликах представителей различных слоев населения на увеличение нормы выдачи хлеба¹⁹¹. При этом спецсообщение,

¹⁸³ Там же. С. 279–280.

¹⁸⁴ Там же. С. 411–413.

¹⁸⁵ Там же. С. 413.

¹⁸⁶ ЦГА СПб. Ф. 4965. Он. 1. Д. 4733. Л. 1, 1 об.

¹⁸⁷ Блокада рассекреченная /сост. В. И. Демидов. СПб., 1995. С. 209.

¹⁸⁸ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: в 2 кн. Кн. 1. С. 130.

¹⁸⁹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 672.

¹⁹⁰ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: в 2 кн. Кн. 1. С. 130.

¹⁹¹ Ломагин Я. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. С. 210–213.

наряду с одобрительными и восторженными отзывами рабочих, служащих, домохозяек, представителей интеллигенции, содержало и «отрицательные высказывания», отмеченные «среди незначительной части населения». Как говорилось в спецсообщении, «отрицательные высказывания» сводились к тому, что «увеличение норм выдачи хлеба для Ленинграда стоило больших жертв», что «о населении города позаботились слишком поздно. Была допущена большая смертность от голода»¹⁹². Содержавшиеся в сводках УНКВД оценки хлебной прибавки 25 декабря 1941 г. в целом соответствуют тем, которые можно обнаружить в блокадных дневниках, опубликованных в последние годы. По мнению директора Архива АН СССР Г. А. Князева, это была «значительная прибавка», придавшая новые силы: «...И люди повеселели, поднялись духом. Может быть, смертельная опасность уже позади!»¹⁹³ Школьница Лена Мухина сделала 25 декабря 1941 г. такую запись: «Какое счастье, какое счастье! Мне хочется кричать во все горло. Боже мой, какое счастье!»¹⁹⁴ В этот день был полон оптимизма и известный востоковед А. Н. Болдырев, о чем свидетельствует сделанная им запись в дневнике за 25 декабря 1941 г.: «Рождество. Вечер. День потрясающий, с утра неожиданная прибавка хлеба – 350 и 200. В 5 ч. митинг неожиданный: блестящее продвижение прорыва блокады. В ближайшие дни река продовольствия больше, чем другим городам. Жданов сказал так. Ближайшие дни. Добавляют в кулуарах: еще в декабре дадут вино, шоколад, крупу. Хлеб увеличится с января, будет белый. И затем венец – московский паек: 800 и 600. Так это будет, так? Все внутри напряжено в ожидании. Кто доживет – будет жить!»¹⁹⁵

«Блестящее продвижение прорыва блокады», о котором пишет в своем дневнике А. Н. Болдырев, действительно готовилось с середины декабря 1941 г. Еще в ходе контрнаступления наших войск в Приладожье в Ставке Верховного Главнокомандования было решено в целях объединения действий армий, находившихся к востоку от р. Волхов и вновь сосредотачиваемых в этом районе, образовать Волховский фронт. На совещании в Ставке 12 декабря обсуждался план дальнейших действий фронтов. На нем присутствовали вызванные в Москву: от Ленинградского фронта – командующий генерал-лейтенант М. С. Хозин и член Военного Совета А. А. Жданов; от Волховского фронта – командующий генерал армии К. А. Мерецков, член Военного Совета А. И. Запорожец и начальник штаба генерал-майор Г. Д. Стельмах. На совещании были также командующий 26-й армией (2-й ударной с 25 декабря 1941 г.) генерал-лейтенант Г. Г. Соколов и командующий 59-й армией генерал-майор И. В. Галанин. В результате этого совещания было принято решение, на основе которого 17 декабря 1941 г. были поставлены задачи фронтам в последовавших директивах. Согласно этим директивам, Ленинградский и Волховский фронты получили приказ не только деблокировать Ленинград, но и окружить, а затем пленить и «истребить» войска группы армий «Север», действующие на Волхове и под Ленинградом¹⁹⁶. Таким образом, еще в 1941 г. ставилась задача полностью снять блокаду Ленинграда и даже изгнать немцев с территории Ленинградской области.

Однако решение Ставки ВГК с самого начала оказалось нереальным, поскольку наши войска ни физически, ни материально, ни организационно были не в состоянии решать в то время столь грандиозные задачи. Но открыто заявить об этом Верховному Главнокомандующему, разумеется, никто не посмел. В результате Волховский фронт, перешедший в наступление в начале 20-х чисел декабря имеющимися в его распоряжении силами, не смог выполнить приказ. Хотя и третья попытка деблокировать Ленинград окончилась неудачей, в ходе Тихвинской стратегической наступательной операции советские войска нанесли поражение 10 дивизи-

¹⁹² Там же. С. 213.

¹⁹³ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941-1945. С. 364.

¹⁹⁴ «...Сохрани мою печальную историю...». Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб., 2011. С. 161.

¹⁹⁵ Болдырев А. Н. Осадная запись. (Блокадный дневник) / подгот. к печати В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский. СПб., 1998. С. 37–38.

¹⁹⁶ Ленинград в борьбе месяц за месяцем. 1941-1944/науч. ред. А. Р. Дзенискевич. С. 68.

зиям противника и сорвали план немецкого командования полностью изолировать осажденный город. Однако это было достигнуто ценой больших людских потерь: за месяц декабрьских боев безвозвратные потери наших войск составили 17 924 человека, санитарные – 30 977¹⁹⁷.

Ждавшие в это время избавления от вражеской осады ленинградцы не подозревали, что после хлебной прибавки 25 декабря 1941 г. над ними нависла смертельная угроза полностью остаться без продовольствия из-за неожиданно возникшей проблемы его транспортировки в блокированный город. Именно в это время, вселившее надежду в ленинградцев, из Москвы, из Главного управления Гражданского воздушного флота, пришло распоряжение об отзыве с 27 декабря 1941 г. с аэродрома «Хвойная» (северо-восток Новгородской области) «Дугласов», выделенных в свое время ГКО для доставки продовольствия в Ленинград. Попытки ленинградского руководства убедить Москву хотя бы отсрочить это решение, поскольку «других возможностей для снабжения войск и населения Военный Совет пока не имеет»¹⁹⁸, натолкнулись на решительное возражение: начальник Главного управления Гражданского воздушного флота Молоков ответил телеграммой, что он всего лишь выполняет распоряжение члена ГКО товарища Молотова – самолеты нужны на других фронтах. Тогда члены Военного Совета А. А. Кузнецов и Н. В. Соловьев решили в отсутствие находившегося в это время в Москве А. А. Жданова обратиться к самому Сталину и в ночь с 25 на 26 декабря заказали с ним разговор по прямому проводу. Но им удалось переговорить только с секретарем Сталина Поскребышевым, который обещал передать их просьбу и сообщить вечером ответ. Ответ был таким: «„Дугласы“ нужны на других фронтах. Продовольствие и пушки можно поставлять по ледяной дороге. Молотов, Маленков, Микоян». Подписавшие этот ответ вряд ли могли не знать, что еще раньше «от начальника фронтовой дороги» (той самой – «ледяной») потребовали к 31 декабря 1941 г. сформировать и направить в распоряжение Верховного Главнокомандования два автотракторных батальона с полной заправкой и лучшими водителями¹⁹⁹. Выполнение этого распоряжения означало прекращение доставки продовольствия по Ладожской ледовой дороге. Из-за почти полного прекращения подвоза продовольствия с 27 декабря 1941 г. по 4 января 1942 г. многие ленинградцы не могли найти в магазинах никаких продуктов. Об этом пишут в своих дневниках и сами блокадники. А. Н. Болдырев, еще несколько дней назад мечтавший под впечатлением хлебной прибавки о «московском пайке», 27 декабря 1941 г. отметил в своем дневнике: «Мука с продуктами. Их не выдают»²⁰⁰.

В эти страшные декабрьские дни 1941 г., когда казалось, что смерть вот-вот восторжествует в заснеженном и застывшем городе, его руководство принимало отчаянные усилия, чтобы пульс жизни в городе не исчез, чтобы обеспечить – хотя бы в минимальных размерах – потребность фронта в боеприпасах и вооружении. После того как город остался по существу без электроэнергии, на предприятиях стали устанавливать газогенераторы, двигатели внутреннего сгорания, собственные блокстанции. «Именно благодаря этому в стенах Металлического завода ни на минуту не замирали работа и жизнь, – вспоминал впоследствии главный механик этого завода Г. А. Кулагин. – Трудно сказать, что стало бы с заводом, с тысячами голодных и замерзших людей, если бы остановилась наша электростанция. Не только фронт получил бы меньше снарядов, мин и танков, но и блистательные достижения Металлического завода наших дней, наверное, пришли бы на несколько лет позже, если бы замерз и замер тогда единственный котел, а с ним вместе и весь завод»²⁰¹. На ряде предприятий перешли на ручной труд. Рабочие, пока были силы, вращали станки вручную. Сестрорецкий инструментальный завод,

¹⁹⁷ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / под ред. Г. Ф. Кривошеева. С. 172.

¹⁹⁸ Блокада рассекреченная /сост. В. И. Демидов. С. 210.

¹⁹⁹ Там же. С. 209–210.

²⁰⁰ Болдырев А. Н. Осадная записка. (Блокадный дневник). С. 38.

²⁰¹ Кулагин Г. Дневник и память. Л. 1978. С. 126.

разместившийся в Смольнинском районе, освоил производство автоматов. Когда прекратилась подача электроэнергии, рабочие стали выпиливать детали вручную. Некоторые узлы автомата на санках везли обрабатывать на другое предприятие. К концу декабря 1941 г. завод изготовил таким способом более 4 тыс. автоматов²⁰².

«Город стал пешим. Расстояния приобрели ощутимую значимость. Они теперь измерялись ногами, количеством шагов, а не как до войны, количеством трамвайных остановок, – вспоминал 16-летний рабочий Леонид Смирнов. – По заметенным снегом улицам бредем на завод. Поперек тропинок лежат мертвые тела, на которых никто не обращает внимания. Их трудно обойти, еще труднее перешагнуть и не упасть рядом с ними. „Кто следующий упадет и останется здесь лежать?“ – вопрошала беспросветная тьма. Смерть бредет следом за нами, но пока молчит. Значит, не пришел наш черед. Город затих, заледенел, бесконечно тянутся дни и ночи, похожие друг на друга, как братья близнецы, наполненные непосильным трудом, заботами и мужеством. Каждый новый день начинается новыми смертями, все новые трупы прибавляются на нашем пути от дома до работы»²⁰³.

В декабре 1941 г. многие рабочие покинули свои промерзшие и темные жилища и перешли на казарменное положение, экономя силы и продлевая жизнь. Ведь в коллективе легче переносились трудности, заглушались неотвязчивые мысли о еде. Работавшая в период первой блокадной зимы в цехе подготовки зарядов артиллерийского полигона М. Е. Сяпина вспоминала, что она «никогда больше не видела и даже не слышала, чтобы люди так держались друг за дружку, как в то время. Мы все были как одна семья... Падали. Как же не так – все было. И умирали... Но странно, что реже всего в коллективе. Вот как раз в таком, где даже в то время бодро шутили. Хлеба не было, так мы будто какой-то другой энергией делились друг с другом»²⁰⁴. 22 декабря 1941 г. на сухопутном артиллерийском полигоне из-за болезней и истощения, а также транспортных затруднений не вышли на работу 34 % рабочих и служащих. За время зимы 1941-1942 гг. на полигоне умерло 134 человека, но работа все же не прекращалась, потому что она не могла прекратиться²⁰⁵.

Перед руководством осажденного города встала нелегкая задача – сохранить производственные кадры и оборудование. Сберечь рабочих можно было заняв их делом. В коллективе легче переносились трудности, поэтому на многих остановившихся фабриках и заводах люди продолжали выходить на работу, тем более что они продолжали получать продовольственные рабочие карточки. В декабре 1941 г. было выдано почти 837 тыс. рабочих карточек²⁰⁶, хотя, конечно, их получали не только рабочие, но и другие категории населения блокированного города. В декабре 1941 г. Совет Народных Комиссаров СССР разрешил выплачивать зарплату рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим временно бездействующих предприятий Ленинграда из расчета их среднего заработка²⁰⁷. Это решение правительства имело большое значение для сохранения производственных кадров блокированного города.

В декабре 1941 г. военная техника, выпускаемая ленинградскими предприятиями, предназначалась не только и не столько Ленинградскому фронту. По специальному распоряжению ГКО 50 % изготавливаемого в Ленинграде вооружения должно было быть отправлено центру, и Москва бдительно следила, чтобы это распоряжение неукоснительно соблюдалось. 9 декабря 1941 г. А. А. Кузнецов, отвечая на упреки Г. М. Маленкова, требовавшего отправлять полковые пушки и минометы «скорее и больше», заверял: «Все пушки, 120-мм и 82-мм минометы

²⁰² Сестрорецкий инструментальный завод им. С. П. Воскова. Л., 1968. С. 347–349.

²⁰³ Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга третья / сост. С.Е. Глезеров. СПб., 2016. С. 342–343.

²⁰⁴ Демидов В. И. Снаряды для фронта. С. 146–147.

²⁰⁵ Там же. С. 147.

²⁰⁶ На защите Невской твердыни / отв. ред. Ю. Н. Яблочкин. С. 284.

²⁰⁷ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941-1943. С. 213.

мы ни в одну из наших дивизий не даем, а все вам отгружаем... Мы подбираем все остатки угля и торфа, вынуждены были законсервировать работу почти всей текстильной промышленности и целого ряда предприятий – только для того, чтобы обеспечить производство пушек и минометов»²⁰⁸. А. А. Кузнецов обещал «отгрузить» Москве до 20 декабря примерно 100 пушек и 120-150 минометов²⁰⁹. Эти пушки и минометы, изготовленные ленинградскими рабочими в нечеловеческих условиях, переправляли в разобранном виде самолетами на станцию Хвойная, где их собирала бригада рабочих Кировского завода для дальнейшей транспортировки по Ладуге.

Несмотря на экстремальные условия жизни в блокадном городе, не прекратились полностью занятия в школах. Правда, число учащихся в них значительно сократилось: к январю 1942 г. почти 36 тыс. человек занимались в бомбоубежищах, в том числе около 1200 старшеклассников, продолжавших обучение на протяжении всей зимы 1941-1942 г.²¹⁰ В конце декабря 1941 г. школы по разрешению Исполкома Ленгорсовета прекратили занятия, и только 39 школ продолжали занятия без перерыва.

В связи с начавшейся в декабре 1941 г. массовой смертностью в заблокированном городе резко возросло число детей, оставшихся без родителей. Действовавшие на середину декабря 1941 г. 17 детских домов не могли принять всех детей-сирот, и потребовались чрезвычайные меры по борьбе с беспризорностью, которые, к сожалению, были приняты с опозданием. Если в середине декабря 1941 г. в детских домах находилось 2020 детей, то на 1 января 1942 г. – 2730²¹¹, т. е. за критические дни декабря 1941 г. в детские дома было вновь определено немногим более 700 детей.

Ленинград в декабре 1941 г.... Его суровый портрет начинали писать сами блокадники. «Город огромный, осажденный. Сдавленный мраком, морозом, голодом. В надрывных судорогах мечущийся в добывании скудного пайка, – обобщал свои наблюдения А. Н. Болдырев 17 декабря 1941 г. – Многотысячные, ночные, круглосуточные очереди и по крохе привоз в магазины. Постоянный обстрел. Замерзший транспорт. Смерть на улицах. Склады непогребенных на кладбищах»²¹².

Делавший ежедневные записи педантичный Н. П. Горшков 21 декабря заносит в свой дневник страшное, но емкое определение: «Город замирает – мертвеет»²¹³. Определение действительно емкое. Замирая, город продолжал, хотя и в другом ритме, жить и бороться за выживание. Именно декабрь 1941 г., первый месяц массовой смертности населения заблокированного Ленинграда, показал, что сила духа и воля к сопротивлению ленинградцев не были сломлены, хотя и были ослаблены. Они черпали их в своей семье, в близких и дорогих им людях, в коллективе, в котором они работали и учились, наконец, обнаруживали в себе скрытые до наступления критической поры дополнительные душевные силы. В дневниках и воспоминаниях блокадников содержится множество примеров, как родные, близкие, а иногда и незнакомые люди делились своими скромными запасами продуктов; как дети, получавшие в школе суп без вырезки талонов из продовольственной карточки, старались принести его домой, своим родным. Побывавший в декабре 1941 г. в одной из ленинградских школ-интернатов генерал М. Духанов вспоминал: «Стою в вестибюле интерната у дверей. Ребята ленинградцы уходят домой навестить родных. По лестнице стремительно сбежал мальчик лет четырнадцати, спо-

²⁰⁸ Блокада рассекреченная / сост. В. И. Демидов. С. 168–169.

²⁰⁹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 75–76.

²¹⁰ Газиева Л. Л. Борьба за спасение детей и подростков в блокадном Ленинграде в 1941-1944. СПб., 2014. С. 373.

²¹¹ Там же. С. 362.

²¹² Болдырев А. Н. Осадная записка. (Блокадный дневник). С. 33.

²¹³ Архив Большого Дома. Блокадные дневники и документы / сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. С. 53.

ткнулся, упал и уронил стакан, стакан разбился с тупым звоном, из него вывалилась горстка свекольной гущи, каши, леденец...

– Куда ты несешь еду? – спросил я у мальчика.

– Домой, маме. Она еле ходит от голода, – мальчик утер глаза кулаком.

Я стал останавливать других ребят и спрашивать, не несут ли они еды. Оказалось, несут. Кто маленькому брату или сестренке, кто отощавшему полумертвому отцу, кто больной от голода матери, кто престарелой бабушке»²¹⁴.

Только держась друг за друга, только помогая друг другу, можно было выжить. И люди часто делились последним куском хлеба, неожиданно свалившимся на них счастьем – найденными в укромных местах съестными припасами, посылкой с фронта, а иногда и даром совсем незнакомого человека. Сколько жизней спасли войны, которые, вырвавшись с передовой к своей семье и не застав никого в живых, отдавали свой паек тем, кто еще был жив. Получившие этот неожиданный дар боролись с искушением – съесть его в одиночку, но многим не позволяла это сделать совесть, и они делились с соседями и выживали именно потому, что оставались людьми. Коллективистская психология срабатывала даже тогда, когда, казалось бы, голод должен был ее отключить. Ленинградцы вспоминали о многочисленных случаях, когда люди не поддавались призывам провокаторов громить и грабить булочные и даже пресекали такие попытки, ибо понимали, что завтра и они могут не получить причитающийся им по карточке кусочек хлеба. По официальной статистике, за время блокады было разгромлено всего несколько хлебных ларьков, в то время как в городе было 829 продовольственных магазинов и ларьков²¹⁵. Попыток грабежа булочных, конечно же, было больше, но все же они не носили массового характера.

Конечно, каждый блокадник мог бы вспомнить немало и других примеров «смертной» поры – подлости, черствости, неблагодарности и равнодушия. Предостаточно было и расхитителей и спекулянтов, у которых были изъяты сотни тонн наворованных продуктов питания. Были негодяи и преступники, отнимавшие у обессиленных людей хлеб и продуктовые карточки. И все же не эти подлые люди определяли моральный климат блокадной жизни. Пережившие это страшное время помнят прежде всего о тех, кто пришел им на помощь. «Спасались, спасая. И если даже умерли, то на своем пути кого-то подняли. А выжили – так потому, что кому-то нужны были больше даже, нежели самому себе», – вот нравственная формула, которую вывели авторы «Блокадной книги», беседуя спустя много лет с теми, кто прошел испытание блокадой²¹⁶.

В декабрьские дни 1941 г. необыкновенную силу сплочения приобрело радио. Черная тарелка репродуктора (в городе насчитывалось свыше 100 тыс. радиоточек) помогала ленинградцам переносить нечеловеческие трудности и лишения, сознавать, что они не одиноки в своей борьбе. Работники Ленинградского радиокomiteта готовили передачи в сложнейших условиях, понимая, как необходимо людям услышать слова поддержки и ободрения. Из-за недостатка электроэнергии радио буквально шептало, районные подстанции часто отключались, и тогда радио умолкало. Выход был найден в повторении радиопередач для временно отключившихся районов города. Огромное моральное значение для жителей осажденного города имели радиопередачи, подготовленные и проведенные Ленинградским радиокomiteтом в канун Нового года. Работники радио учитывали, в каких бедственных условиях предстоит ленинградцам встречать 42-й год. Они принимали во внимание, что многие рабочие и служащие жили на казарменном положении и встретят новый год вместе, у них будут свет и тепло, но еще больше ленинградцев останется в своих промерзших квартирах без света, и лишь у

²¹⁴ Духанов М. В сердце и в памяти. М., 1965. С. 214.

²¹⁵ Блокада рассекреченная / сост. В. И. Демидов. С. 208.

²¹⁶ Адамович Алесь, Грашин Даниил. Блокадная книга. С. 166.

немногих будет теплиться слабый огонек самодельной свечки или коптилки. Не все смогут хотя бы приподняться в постели, обессиленные голодом, а их связь с внешним миром давно ограничена голосом репродуктора, а потому они будут особенно ждать радиопередачи в последние часы уходящего года. И работники радио нашли доверительную и честную форму общения с ленинградцами. Главным действующим лицом задушевного ночного разговора стала Ольга Берггольц²¹⁷. Она имела моральное право сказать тогда на всю страну:

Это гимн ленинградцам – опухшим, упрямым,
родным.
Я отправлю от имени их за кольцо
телеграмму:
«Живы. Выдержим. Победим!»

До победы было еще очень далеко, впереди ожидали еще более суровые испытания, выдержать которые не было суждено многим тысячам ленинградцев, внимавших каждому слову Ольги Берггольц в канун нового, 42-го года.

²¹⁷ *Макогоненко Г. П.* Фрагменты из воспоминаний «Письма с дороги» // Ольга. Запретный дневник. Дневники, письма, проза, избранные стихотворения Ольги Берггольц. СПб., 2010. С. 283–287.

1942 год

Новый год не только не принес населению осажденного Ленинграда облегчения страданий, но даже их усилил. Надежды руководства обороной города на то, что блокада будет вот-вот прорвана и продовольственная проблема будет решена кардинально, оказались призрачными. В результате хлебные ресурсы Ленинграда на 1 января 1942 г. составляли 980 т муки, 2,9 т ячменя, 81,5 т соевых бобов, 11 т солода, 427,7 т жмыха, 1,1 т отрубей²¹⁸. Даже по минимальным нормам это не обеспечивало и двух дней потребностей города. Хлебозаводы получали муку буквально с колес, и перебой в ее доставке грозил полным прекращением выдачи хлеба населению. Чтобы создать хотя бы минимальный запас муки, ленинградскому руководству пришлось фактически больше чем на две недели прекратить подвоз по Ладоге других продуктов питания. Как отмечалось в январском спецсообщении УНКВД по Ленинграду и области, «в первой половине января, кроме муки, никакие продукты в Ленинград не поступали. Завоз в город продовольствия начался с 16 января в размерах, не обеспечивающих полного отоваривания продовольственных карточек населения»²¹⁹. В этом секретном документе, разосланном не только ленинградским руководителям (Жданову, Хозину и Кузнецову), но и в Москву – Берии и Меркулову – фактически признавалось, что в первые две недели 1942 г. ленинградцы кроме суррогатного хлеба ничего не получали.

Разумеется, ленинградское руководство имело достаточно полное представление о бедственном положении населения, получая об этом информацию от партийных и советских органов, политинформаторов, НКВД и др. 4 января 1942 г. на стол А. А. Жданова легла информационная справка оргинструкторского отдела ГК ВКП(б), в которой обращалось внимание в первую очередь на резкое увеличение в городе количества детей-сирот. «Особенно тяжелое положение оставшихся без родителей 14-15-летних подростков, – сообщалось в этом документе. – В детские дома их не принимают. Дети толпятся около магазинов и булочных, вырывают хлеб и продукты из рук покупателей. Многие работники органов народного образования поднимают вопрос о помещении в детские дома ребят этого возраста и о прикреплении их к рабочим столовым»²²⁰. Касаясь перебоев в доставке и торговле хлебом и огромных очередей за ним, авторы информационной записки в осторожной форме писали о возбуждении среди населения «всевозможных толков и разговоров»²²¹. 7 января 1942 г. Исполком Ленгорсовета принял решение «О мероприятиях по борьбе с детской безнадзорностью», по которому количество мест в детских домах увеличивалось на 2725²²², что позволило работникам Городского отдела народного образования расширить сеть детских домов.

9 января 1942 г. состоялось заседание бюро ГК ВКП(б), на котором обсуждался вопрос «об организации помощи особо ослабевшим гражданам». Председательствовавший на заседании второй секретарь горкома А. А. Кузнецов подчеркнул, что этот вопрос обсуждается по предложению товарища Жданова, который «абсолютно прав, когда говорит, что целый ряд предприятий выдвигает вопрос – приравняйте к предприятиям оборонного порядка, к предприятиям, имеющим горячие цеха, хотя ни те, ни другие не работают, а продолжают получать питание». Озвучивая «реалистическую линию» отсутствовавшего на этом заседании шефа, Кузнецов далее сказал: «Слабых надо поддержать, но не увеличением питания, а с точки зре-

²¹⁸ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 668–669.

²¹⁹ *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада: в 2 кн. Кн.2. С.278.

²²⁰ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1944. С. 414.

²²¹ Там же. С. 415.

²²² Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1942. № 1-2. С. 5–7.

ния организации врачебной помощи, врачебного питания»²²³. Речь шла о значительном расширении лечебных стационаров, решение о создании которых было принято Ленгорисполкомом 29 декабря 1941 г. Тогда предлагалось организовать стационары: городской – на 400 коек, районные – на 200-300 коек и при 17 крупнейших заводах – на 1380 коек²²⁴. Теперь же Кузнецов предложил увеличить число мест в городском стационаре до 16 тыс., из которых 2 тыс. намечалось выделить для видных ученых, работников культуры и искусства, руководителей хозяйственных и общественных организаций. Предлагалось также увеличить число коек в районах и расширить число предприятий, где будут организованы свои стационары²²⁵. В результате обсуждения было принято совместное решение Ленгорисполкома и ГК ВКП(б) «Об организации помощи ослабевшим гражданам»²²⁶.

9 января 1942 г. произошло более чем тревожное событие, выходящее за рамки «оказания помощи ослабевшим гражданам»: остановилось одно из крупнейших оборонных предприятий – Металлический завод. «В этот день цех получил задание выпустить три новых КВ, – вспоминал начальник сборочного цеха А. Ф. Соколов, – а вечером нас собрал директор завода и в присутствии парторга ЦК и председателя завкома сообщил, что ввиду тяжелого положения с топливом будут заморожены все цехи, за исключением электростанции»²²⁷.

При всей важности стоявших перед руководством обороны Ленинграда задач по оказанию помощи населению города, главная из них – улучшение продовольственного положения – не могла быть решена без помощи центра. И надо признать, что Москва, понимая необходимость этой помощи, изыскивала ресурсы и пути доставки продовольствия в Ленинград. 10 января 1942 г. заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. И. Микоян подписал распоряжение правительства о помощи Ленинграду продовольствием. Этим распоряжением в целях «обеспечения продовольствием населения г. Ленинграда, войск Ленинградского фронта и частей КБФ и создания запаса продовольствия в г. Ленинграде» соответствующие наркоматы и ведомства обязывались отгрузить в январе 1942 г. 18 тыс. т муки, 10 тыс. т крупы, 6192 т мяса, 1100 т животного масла, 1 тыс. т кокосового масла, 700 т растительного масла, 3 тыс. т рыбы, 1800 т сахара, 1 тыс. т концентратов, 150 т шоколада, 140 т чая, 5 тыс. т соли и другие продукты питания²²⁸. Вероятно, с получением распоряжения СНК СССР об оказании продовольственной помощи Ленинграду на следующий день, 11 января 1942 г., Военный Совет Ленинградского фронта принял постановление о строгом соблюдении установленных лимитов расхода продовольствия²²⁹. В целях строгой централизации распределения продовольственных ресурсов этим постановлением создавалась Продовольственная комиссия в составе А. А. Кузнецова, Д. В. Павлова, П. С. Попкова и Н. В. Соловьева. Только эта комиссия рассматривала все вопросы, связанные с увеличением расхода продовольствия как для гражданских и военных организаций в целом, так и для отдельных лиц. При этом комиссия при решении этих вопросов должна была исходить из лимита, установленного данным постановлением²³⁰.

²²³ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1944. С. 283.

²²⁴ Там же. С. 590.

²²⁵ Там же. С. 284.

²²⁶ Там же. С. 590.

²²⁷ Оборона Ленинграда. 1941-1944. Воспоминания и дневники участников / отв. ред. А. М. Самсонов. Л., 1968. С. 548.

²²⁸ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. С. 219–220.

²²⁹ Там же. С. 221–222.

²³⁰ Об этом см.: Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 году // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8-21.

На состоявшемся 15 января 1942 г. первом заседании Продовольственной комиссии Военного Совета Ленинградского фронта, на котором присутствовали А. А. Кузнецов, Д. В. Павлов и П. С. Попков, слушался «разбор заявлений об увеличении продовольственного пайка»²³¹. Первым пунктом своего постановления Комиссия разрешила приравнять по продовольственному снабжению к рабочим оборонных предприятий 250 работников Ленинградской телефонной сети ведущих квалификаций: кабельщиков, канализаторов, установщиков и участковых монтеров. Продовольственная комиссия также разрешила Городскому управлению по учету и выдаче продуктовых и промтоварных карточек выдать продовольственные рабочие карточки вместо карточек служащих 50 сотрудникам конструкторского бюро судостроительной промышленности завода им. С. Орджоникидзе; 22 ведущим сотрудникам Государственной Публичной библиотеки им. М. Г. Салтыкова-Щедрина, среди них была и В. А. Каратыгина, возглавлявшая отдел по собиранию печатных материалов о войне и блокаде, которые составят затем коллекцию печатных материалов «Героическая оборона Ленинграда»; директорам головных институтов Академии сельскохозяйственных наук – Всесоюзного института микробиологии, Всесоюзного института растениеводства и Агрочувственного института. Продуктовые рабочие карточки было разрешено выдать 17 артистам театра Музыкальной комедии, 25 артистам хора и 5 концертмейстерам оркестра. Основанием для такого решения комиссии послужила докладная записка исполняющего обязанности начальника Управления делами искусства П. И. Рачинского председателю Ленггорсовета П. С. Попкову. «В настоящий момент положение настолько обострилось, что имеются случаи, когда артисты балета и хора сваливаются почти на глазах у зрителя, что совершенно недопустимо, – сообщал 9 января 1942 г. П. И. Рачинский. – За эти дни по театру Музыкальной комедии умерли около 15 человек и много находится в истощенном состоянии»²³².

На этом же заседании Продовольственная комиссия поручила заместителю председателя Ленггорсовета и заведующему отделом торговли И. А. Андреенко открыть не позднее 17 января 1942 г. «спецмагазин, из которого отпускать продукты для членов АН СССР и других лиц, могущих быть приравненными по своей значимости к академикам»²³³. Для прикрепленных к «спецмагазину» лиц, помимо получаемых продовольственных карточек по месту работы, устанавливалась месячная норма выдачи продуктов: 2 кг муки, 2 кг крупы, 2 кг мяса, 1 кг сахара, 0,5 жиров. Увы, на эту существенную добавку к блокадному пайку могли формально претендовать немногие ученые: в январе 1942 г. в блокированном городе оставались всего 5 академиков и 14 членов-корреспондентов АН СССР²³⁴.

По специальному распоряжению Продовольственной комиссии к создаваемому «спецмагазину» были прикреплены 20 ведущих ученых Ленинградского университета во главе с ректором А. А. Вознесенским. Среди них были заслуженные деятели науки Д. И. Дейнека и И. И. Жуков, деканы ведущих факультетов ЛГУ С. С. Кузнецов, С. Э. Фриш, А. С. Броун, В. В. Мавродин, Н. В. Розе, профессора С. И. Ковалев, А. И. Молок, А. В. Немилов, Т. П. Кравец, В. М. Чулановский, Б. М. Эйхенбаум, М. Э. Янишевский и др. Отдельным пунктом к «спецконтингенту» были прикреплены 8 членов Всесоюзного Географического общества (А. П. и В. П. Семеновы-Тяньшанские, С. В. Калесник, А. И. Андреев и др.), а также ведущий специалист в области онкологии, заслуженный деятель науки, член-корреспондент АН СССР Н. Н. Петров²³⁵.

²³¹ ЦГАИПД СПб. Ф.4000. Он. 20. Д. 16. Л. 1-3.

²³² Там же. Л. 15.

²³³ Там же. Л. 2.

²³⁴ Там же. Л. 106.

²³⁵ Там же. Д. 16. Л. 3.

В условиях острейшего голода и огромной смертности весть о получении «академического пайка» через «спецмагазин» группой ведущих ученых быстро распространилось в научной среде, и в Смольный усилился поток писем с просьбами об оказании продовольственной помощи²³⁶. Несмотря на ограниченные ресурсы продовольствия, Военный Совет Ленинградского фронта был вынужден реагировать на эти отчаянные мольбы о помощи, и заседавшая 2 февраля 1942 г. его Продовольственная комиссия в составе Н. В. Соловьева, П. С. Попкова, П. Г. Лазутина, И. А. Андреевко, рассмотрев представленные учреждениями науки, культуры и искусства списки на оказание продовольственной помощи, прикрепила своим решением к спецмагазину «Ленгастроном» 440 работников науки, культуры и искусства²³⁷. Конечно, это была только небольшая часть остро нуждавшихся в продовольственной помощи, но ограниченная установленным лимитом Продовольственная комиссия была вынуждена отказывать в многочисленных просьбах.

С 13 января 1942 г. была установлена новая система продажи продовольствия населению посредством объявления разовых выдач в счет месячных норм по карточкам. В этот день «Ленинградская правда» опубликовала извещение городского отдела торговли: «Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся разрешил продажу с 13 января 1942 года всем группам населения по январским продовольственным карточкам в счет существующих месячных норм: а) мяса и мясопродуктов – 100 граммов, б) крупы – 200 граммов, в) муки в счет крупы – 200 граммов». Перед объявлением разовых выдач в магазин завозилось продовольствие, правда, далеко не всегда достаточное для отоваривания всех карточек, прикрепленных к магазину. Продовольственные магазины открывались в 6 час. утра и работали до 9 час. вечера. В торговых помещениях, как и во всем городе, не было топлива, электричества, воды, телефонной связи. Поэтому работать приходилось при свете коптилок. Особенно большие трудности приходилось преодолевать при доставке продовольствия в магазины, так как единственным транспортным средством были тележки и санки. При сильном морозе и пронизывающем ветре торговые работники простаивали по многу часов в ожидании разгрузки железнодорожного транспорта. В январе 1942 г. значительно выросло число нападений и грабежей продовольственных магазинов и булочных. 13 января в «Ленинградской правде» было опубликовано сообщение «В военном трибунале», в котором говорилось о приговоре к расстрелу пяти бандитов за ограбление продуктовых магазинов и о приведении этого приговора в исполнение. Это сообщение имело свою предысторию: месяцем ранее было подготовлено такое же сообщение для печати «В военном трибунале» в связи с хищением из вагона ящика комбижира. Ознакомившись с этим сообщением, А. А. Жданов наложил резолюцию: «т. Кузнецову. 1. Надо ли публиковать? 2. Надо ли по делам такого типа стрелять? М. б. давать 10 лет? Жданов». Здесь же был и ответ: «Не публиковать в печать. А. Кузнецов. 12.12.41 г.»²³⁸. Январская публикация о расстреле за бандитизм свидетельствовала об ужесточении борьбы с этим опасным явлением, принимавшим все более массовый характер.

Доставка продовольствия в осажденный Ленинград по-прежнему оставалась самым уязвимым местом в снабжении населения продуктами питания. План перевоза грузов по Военно-автомобильной дороге систематически не выполнялся, и никакие грозные постановления и воодушевляющие призывы и обращения помочь здесь не могли, поскольку успешная работа дороги зависела в первую очередь от состояния ее технического парка и самой автомобильной дороги. Из 2877 автомашин, обслуживавших Военно-автомобильную дорогу, в эксплуатации находилось только 1198. Около 300 автомашин утонуло в Ладожском озере или вмерзло

²³⁶ См.: Письма ленинградцев в Продовольственную комиссию Военного Совета Ленинградского фронта. Окт. 1941-1942 гг. // Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада в документах германских служб, НКВД и письмах ленинградцев. 2-е изд. М.: СПб., 2014. С. 289–358.

²³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Он. 20. Д. 39. Л. 55.

²³⁸ Кутузов А. В. Блокада Ленинграда в информационной войне. СПб., 2008. С. 143.

в лед, около 400 автомашин не вернулось с восточного берега Ладоги при следовании из Новой Ладоги, сотни автомашин требовали капитального и текущего ремонта²³⁹. Еще одной причиной, не позволявшей резко увеличить объем доставляемых грузов в блокированный город, было плохое состояние трассы, особенно ее ледовой части. Если в начале эксплуатации Военно-автомобильной дороги лед был тонким и слабым, что приводило к большим потерям автомашин, то с конца декабря 1941 г. вместе с суровыми морозами начались и обильные снежные метели, заносившие ледовую трассу снегом, что приводило к частым нарушениям автомобильного движения. Еще одной причиной неудовлетворительной работы Военно-автомобильной дороги был острый дефицит горючего, подвозкой которого на трассе занимались 87 машин ЗИС-5. В первые дни января 1942 г. сотни исправных машин простояли в парках или на трассе из-за отсутствия бензина. После этого Военным Советом Ленинградского фронта были приняты жесткие меры по улучшению работы Военно-автомобильной дороги: постановлением от 4 января 1942 г. предусматривалось обеспечить с 5 января 1942 г. выпуск на линию не менее 1500 автомашин. Была укреплена и усовершенствована дорожная служба трассы, были проложены сотни километров новых путей на Ладоге, более 3 тыс. км дорог были очищены от снега на сухопутной части Военно-автомобильной дороги²⁴⁰.

Большую помощь в улучшении эксплуатации Ледовой дороги оказали ученые. Работники научно-исследовательского института коммунального хозяйства установили систематическое наблюдение за ледовым режимом Невы и Ладожского озера. Сотрудники института профессора Ф. И. Быдин и С. А. Советов, инженеры К. Барабанов и С. Кузнецов в кратчайшие сроки подготовили краткие очерки ледовых прогнозов на Неве и Ладоге, об особенностях их зимнего режима, о темпе искусственного намораживания льда, влиянии снега на толщину льда, составили прогнозы ледостава и вскрытия Ладожского озера, сделали расчеты необходимой для перевозок толщины льда на трассе в весенний период. Исследования, начатые в теоретическом плане, с пуском ледового пути в эксплуатацию приобрели важное значение, обеспечивая необходимые данные для переправы по льду машин с различными нагрузками, данные по укреплению ледовой дороги, прогнозы о времени прекращения переправ²⁴¹. При усилении потока грузов по Ладожской трассе особое значение приобрела безопасность движения, для чего потребовалось наладить систематическое изучение колебаний ледового покрова Ладожского озера при прохождении по нему транспорта. С этой целью в Физико-техническом институте была создана специальная научная группа, которую возглавил П. П. Кобеко²⁴². Сотрудник этого же института Н. М. Рейнов сконструировал специальный прибор «прогибограф», автоматически определявший деформацию ледового покрова²⁴³. Производство этих приборов было налажено в лаборатории Физико-технического института. Для обеспечения непрерывного действия «прогибографов» научный сотрудник этого же института С. В. Кобеко предложила конструкцию незамерзающей проруби, которая широко использовалась на Ладоге при испытании проходимости ледовых трасс²⁴⁴. Исследования механических свойств ледового покрова при действии на него динамических нагрузок, проведенные учеными на Ладожском пути, позволили найти зависимость прочности ледового покрова от скорости передвижения транспорта. Было установлено, что при скорости автомашин более 20 км в час появляются упругие волно-

²³⁹ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая Земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941-1943 гг. С. 135–136.

²⁴⁰ Там же. С. 134, 136, 149-150.

²⁴¹ Соболев Г. Я. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. С. 59.

²⁴² Трудный путь к победе. Физтеховцы о днях войны / гл. ред. А. П. Шергин. СПб., 2012. С. 38.

²⁴³ Рейнов Н. М. Прогибограф (прибор для измерения деформаций ледяного покрова) // Журнал технической физики. 1943. Т. XIII, вып. 11-12. С. 661–666.

²⁴⁴ Трудный путь к победе. Физтеховцы о днях войны. С. 39.

образные колебания льда, скорость которых близка к скорости движения транспорта, в результате чего возникает явление резонанса, приводящее к разрушению ледовой дороги²⁴⁵.

Особенно важное значение для автомобильных перевозок по Ладоге имело приближение перевалочных баз непосредственно к восточному берегу Шлиссельбургской губы Ладожского озера. В связи с этим Военный Совет Ленинградского фронта выступил с предложением о постройке железной дороги от ст. Войбокало к восточному берегу Ладоги. 11 января 1942 г. Государственный Комитет Обороны принял специальное постановление, которым Наркомат путей сообщения обязывался в месячный срок построить железнодорожную ветку длиной 40 км от станции Войбокало до песчаной косы Ладожского озера. Различные наркоматы и ведомства должны были выделить для строительства рабочую силу, инвентарь и необходимые материалы. Народному комиссариату торговли поручалось выделить продовольственные и промтоварные фонды на 20 тыс. человек, а всего на строительство этой железнодорожной линии было отпущено 18 млн руб.²⁴⁶ Преодолевая огромные трудности, в условиях сильных морозов и обильных снегопадов, а также воздействия вражеской авиации и артиллерии, строители успешно справились с важным государственным заданием. Плоды их подвига ленинградцы ощутили в начале февраля 1942 г., когда по законченному главному участку дороги Войбокало – Лаврово пошла поезда с продовольствием для Ленинграда.

Конечно, радикальным решением жизнеобеспечения осажденного Ленинграда могло стать только его освобождение от блокады. Это хорошо понимала Ставка ВГК, предпринимая одну за другой попытки деблокировать город. Начавшаяся в январе 1942 г. Любаньская наступательная операция была уже третьей попыткой вызволить Ленинград из блокады. Главная роль в этой операции, начало которой было намечено Ставкой на 7 января 1942 г., отводилась созданному в декабре 1941 г. Волховскому фронту, который должен был «разбить противника, обороняющегося на р. Волхов, в дальнейшем окружить и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта пленить или истребить его»²⁴⁷. К назначенному сроку, по позднему признанию самого командующего Волховским фронтом генерала К. А. Мерецкова, «фронт не был готов к наступлению»²⁴⁸. Тем не менее он приказал начать наступление в назначенный Ставкой срок, хотя Сталин и предложил отложить наступление, если 2-я ударная армия к нему еще не готова. В результате начавшееся наступление стрелковых частей Волховского фронта из-за слабости ударных группировок, распыления сил, плохой артиллерийской и авиационной поддержки не сумело прорвать оборону упорно сопротивлявшегося противника. 10 января 1942 г. Верховный Главнокомандующий в разговоре по прямому проводу с командованием Волховского фронта (Мерецков, Запорожец, Мехлис) сурово отчитал его за эту поспешность: «Поспешили с наступлением, не подготовив, и насмешили людей. Гели помните, я вам предлагал отложить наступление, если ударная армия Соколова не готова. Вы отказались отложить, а теперь пожинаете плоды своей поспешности»²⁴⁹.

Свалив вину за неудачу наступления 7 января на своих подчиненных, Мерецков попросил Верховного Главнокомандующего перенести новую попытку наступления на 13 января с тем, чтобы «еще раз лично проверить готовность на местах и устранить недоделки»²⁵⁰. Возобновившееся на этот раз одновременно наступление частей Волховского и Ленинградского фронтов также не привело к прорыву обороны противника, который использовал полученную передышку для укрепления своих позиций. В результате войскам 4-й армии, наступав-

²⁴⁵ Там же. С. 39–40.

²⁴⁶ Ковальчук В. М. 900 дней блокады: Ленинград 1941–1944. С. 139.

²⁴⁷ Крюковских А. П. К истории попыток прорыва блокады в 1941–1942 гг. С. 92.

²⁴⁸ Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. С. 248.

²⁴⁹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 82.

²⁵⁰ Там же. С. 82–83.

шим в направлении Кириши и Тосно, и 52-й армии, наступавшим в направлении Новгород и Сольцы, буквально на второй день пришлось самим перейти к обороне. Причина такого исхода заключалась, однако, не только в сильном сопротивлении немецко-фашистских войск, но и в просчетах командования Волховского фронта, рассредоточившего свои силы по всему фронту наступления. В войсках ощущался острый недостаток боеприпасов и продовольствия, о чем, конечно, умолчал Мерецков в разговоре по прямому проводу со Сталиным 10 января 1942 г.

Более успешно развивались события в полосе наступления 2-й ударной армии и 59-й армии, ударные группировки которых уже на второй день наступления пересекли Волхов и на его левом берегу овладели несколькими населенными пунктами, потеряв при этом свыше 3 тыс. человек²⁵¹. К 25 января войска 2-й ударной армии прорвали оборону противника на узком участке в районе Мясного Бора. За пять дней ожесточенных боев ее соединения продвинулись на 75 км и, перерезав железную дорогу Ленинград – Новгород, вышли на подступы к Любани. В результате любанско-киришская группировка немецких войск оказалась глубоко охваченной с юга и юго-запада. Однако попытки 2-й ударной армии расширить прорыв и овладеть Любанью успеха не имели по причине отсутствия подкреплений, обещанных ранее Сталиным. К концу января 1942 г. стало очевидно, что не только первоначальный замысел Ставки ГКО был нереальным, но даже возникла угроза срыва его ограниченного варианта – Любаньской операции. Тем не менее 28 января 1942 г. Ставка приказала «перерезать основные коммуникационные линии Ленинградско-Волховской и Новгородской группировок противника и во взаимодействии с Волховским и Ленинградским фронтами разбить их»²⁵². Прорыв блокады Ленинграда в январе 1942 г., таким образом, не состоялся.

В эти невероятно трудные дни января 1942 г. ленинградцы по-прежнему жили надеждой на то, что блокада вот-вот будет прорвана, и потому жадно ловили и обсуждали все новости и слухи с фронта. «Ничего не понимаем. Железно-огненный круг, скованный врагами, не разжигается, и обрекает Ленинград на постепенное вымирание, – записал 7 января 1942 г. в дневнике Г. А. Князев. – Ходят слухи, что войскам дан приказ покончить с топтаньем на месте, прогнать неприятеля»²⁵³. По свидетельству В. В. Вишневого, в январе 1942 г. на встречах и выступлениях его постоянно спрашивали: когда кончится блокада?²⁵⁴ 12 января 1942 г. Г. А. Князев фиксирует в своем дневнике новый слух: «Сегодня распространился по городу слух о приказе Сталина освободить Ленинград от блокады. Будто бы на подмогу двинуты московские военные части. Этим живет сегодня умирающий Ленинград. Последняя надежда окрыляет тех, кто еще не сдастся, не слег, не упал духом. Продержаться бы еще немного, пережить катастрофу»²⁵⁵. И ленинградцы отчаянно пытались держаться, не расставаясь с надеждой на освобождение от блокады. «Самые тяжелые дни переживают ленинградцы. Кажется, они лишились всего самого элементарного и в довершение всего сидят без хлеба и в холоде. Многие стали безразличны, но большинство упорно борется за свою жизнь и жизнь города, – отметил 28 января 1942 г. в дневнике оптимистически настроенный В. Ф. Чекризов. – Но сколько народу еще погибнет. Неужели еще долго не будет улучшения? Вести с фронта хорошие, но блокада города еще не прорвана. Кажется, многие с ума сойдут от радости, когда она будет прорвана»²⁵⁶. К великому горю, в январские дни 1942 г. население Ленинграда сходило с ума от голода, хотя решением Военного Совета Ленинградского фронта с 24 января 1942 г. и были повышены нормы выдачи хлеба: рабочие стали получать 400 г., служащие – 300, иждивенцы и дети – 250 г., но

²⁵¹ Битва за Ленинград. 1941-1944. М., 1964. С. 138–139.

²⁵² Крюковских А. П. К истории попыток прорыва блокады в 1941-1942 гг. С. 94.

²⁵³ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941-1945. С. 390.

²⁵⁴ Вишевский В. В. Ленинград. Дневники военных лет. Кн. 1. М., 2002. С. 71.

²⁵⁵ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941-1945. С. 398.

²⁵⁶ Чекризов В. Ф. Дневник блокадного времени. С. 48.

это не могло дать желаемого эффекта. Как отмечалось в январском спецсообщении УНКВД по Ленинградской области, осуществленное с 24 января 1942 г. увеличение хлебной нормы «при ограниченной норме выдачи других нормированных продуктов не улучшило положение населения». 25 января 1942 г. А. А. Жданов в разговоре по прямому проводу с членом ГКО Г. М. Маленковым на вопрос, как обстоят дела в Ленинграде с продовольствием, с неоправданным оптимизмом отвечал: «Положение с продовольствием сейчас у нас стало лучше. С сегодняшнего дня мы еще немного увеличили норму выдачи хлеба... Что касается запасов, то в Ленинграде и Осиновце мы имеем на девять дней муки и на неделю крупы, на неделю мяса. Сейчас всячески нажимаем на подвоз приварка, сушеных овощей, клюквы, грибов и т. д.»²⁵⁷. И ни слова о бедственном положении ленинградцев, их голодных страданиях и наступившей массовой смертности...

Между тем именно 25 января 1942 г. стало «черным» воскресеньем блокированного Ленинграда. В этот день еще действовавшая на малых оборотах 5-я ГЭС не получила топлива и прекратила выработку электроэнергии, которую, в свою очередь, не получили жизненно важные предприятия города, прежде всего главная водонапорная станция. В течение нескольких суток, пока офицеры и матросы подводной лодки К-56 монтировали в труднейших условиях 4 дизеля аварийной станции, город был без воды, а к тому времени, когда снова заработали насосы, городской водопровод окончательно вышел из строя. 25 января 1942 г. востоковед А. Н. Болдырев сделал в дневнике запись для истории блокады: «Сегодня и вчера мы целиком вошли в полосу нового бедствия: бедствия безводия. Воды нет во всем городе. Говорят, нет топлива на водокачке. Проруби в Неве, речках и каналах, бесконечные вереницы везущих и несущих ведра и все виды сосудов. Заводы стоят. Пожары не тушатся, дома пылают, как свечи... Это самое страшное бедствие из всех бывших...»²⁵⁸

В тяжелом положении в эти январские дни оказались хлебопекарные заводы, оставшиеся без воды. Рабочие-хлебопеки сознавали, какая ответственность лежит на них, и отдавали все свои силы, чтобы не прекратить выпечку хлеба. В течение нескольких суток они доставляли воду для выпечки хлеба из различных водоемов вручную, на помощь пришли комсомольцы и военные. Тем не менее хлебозаводы не могли обеспечить хлебом все население, и по всему городу днем и вечером стояли длинные очереди у булочных в ожидании, когда привезут хлеб.

«Бще одно грозное бедствие нависло над Ленинградом: это пожары, – писал в своем дневнике Н. П. Горшков. – Горят целиком каменные дома от бесчисленных печек-временок (буржук). Неаккуратное обращение, отсутствие постоянных дымоходов в домах с паровым отоплением, просунутые сквозь окна трубы и многие другие причины вызывают частые пожары, а воды в городе нет. Водопровод кое-где едва-едва подает воду в первые этажи. Пожарные и население без воды бессильны что-нибудь сделать для тушения»²⁵⁹

²⁵⁷ Крюковских А. П. Первая зима // Санкт-Петербургские ведомости. 1994. 14 янв.

²⁵⁸ Болдырев А. Н. Осадная запись. (Блокадный дневник). С. 46.

²⁵⁹ Архив Большого Дома. Блокадные дневники и документы / сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. С. 60.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.